

Валерий Пушной

Когда не слышен
звук секунд

Валерий Александрович Пушной

Когда не слышен звук секунд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73475383

Когда не слышен звук секунд: Издательско-Торговый Дом «Скифия»;

Санкт-Петербург; 2026

ISBN 978-5-00025-430-1

Аннотация

Внезапно на планету обрушились разрушительные силы стихии. Ось Земли стала быстро смещаться, полюса начали менять свои местоположения. Реки изменили русла, сдвинулись моря и океаны, затапливая прибрежные города, страны, земли и острова. В атмосфере происходят непонятные природные явления, массово уносящие жизни людей.

События развиваются стремительно. Стихия накрыла город. Люди гибнут на улицах, не успев скрыться от нахлынувшей океанской воды, несмотря на то что город находится в тысяче километров от побережья. Оставшиеся в живых ищут убежища. Некоторым удастся добраться до храма, стоящего на самом высоком в городе месте, в надежде, что туда вода не достанет. Затопленный город превратился в огромное кладбище. Выжившим нужно найти способ спастись, пока стихия не отступает и смерть наступает людей ежечасно. Борьба с природными катаклизмами тяжела и мучительна, но ужаснее

борьба между людьми, которые собираются выжить за счет других.

Кирилл, Ибра, Лида, Зина, Филипп, Матвей, Евгений, Игорь вместе со многими другими людьми оказываются в одном месте. Они сплотились в желании построить плавсредство, чтобы не утонуть под напором океанской воды. Но чем быстрее наступает вода, тем заметнее тает сплоченность. Никто не знает, что их ждет.

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	33
3	58
4	86
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Валерий Пушной

Когда не слышен звук секунд

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

© Пушной В. А., 2026

© Оформление. ООО «Издательско-Торговый Дом «СКИФИЯ», 2026

* * *

Часть первая

1

Сидя напротив Анны, Кирилл смотрел ей в лицо. Мучительно морщился, напряженно подбирал в уме нужные слова для начала разговора. Они сидели в ресторане за большим столом с белыми салфетками, на которых перед каждым стояли чашки с кофе, издававшим тонкий аромат. Анна не была красавицей – внешность неброская, но приятная. Чуть вились волосы, руки тонкие, ухоженные. Платье дорогое, на груди глубокий вырез. Отпив немного кофе, она заговорила первой.

– Ты пригласил меня в ресторан, чтобы помолчать? – спросила насмешливо. – Для этого можно было зайти в дешевое кафе. Или посидеть в парке.

– Не знаю, как начать, – натужно выдохнул он и сделал паузу. – Не хочу обидеть тебя. – Кирилл находился в хорошей форме, видный, нередко обращал на себя женское внимание. Сейчас на нем была белая рубаша с коротким рукавом.

– Начни, как можешь, – снова с насмешкой произнесла она и приблизила к себе чашку. – Но сразу предупреждаю: если решил сделать мне предложение, то будешь вторым, потому что одно предложение я уже сегодня получила от тво-

его приятеля Романа Бруня.

– Ромка сделал тебе предложение? – На лицо Кирилла легло удивление. – И что ты?

– Думаю. – В глазах у нее мелькнула веселая искорка.

– Это очень хорошо! – сказал он.

– Что хорошо? Что думаю или что сделал предложение? – поинтересовалась она.

– Что ты сказала мне об этом.

Анна покачала головой и решительно задала вопрос в лоб:

– А когда ты наконец сделаешь мне предложение?

– Ты знаешь, – проговорил он с заметной легкостью в голосе. – Я, собственно, и пригласил тебя для этого. И ресторан выбрал, чтобы не обидеть тебя.

– Почему ты решил, что я обижусь? – Она подняла брови.

– Понимаешь, мое предложение отличается от того, какое сделал тебе Ромка. – Кирилл тронул пальцами чашку, вдохнул в себя аромат кофе и медленно, с расстановкой проговорил: – Я предлагаю тебе прекратить наши отношения.

У Анны оторопь заметалась по лицу. Стремительно стали меняться гримасы, с которыми она не сразу смогла справиться. А когда ей это удалось, растерянно пробормотала:

– То есть как?

– Расстанемся и все, – твердо уточнил Кирилл.

– А как же свадьба? – обронила смятенно. – Я думала...

– Правильно думала! – подхватил Кирилл, перебивая ее. – Твоя свадьба будет! С Ромкой! Соглашайся, раз он сделал

предложение. А то откажется.

Минуту после этого Анна думала, что стряслось. И когда до нее окончательно дошло и разложилось по извилинам мозга, она побледнела, лицо сделалось злым и неприятным. Оттолкнула от себя чашку с кофе, выплескивая его на столешницу, вскочила на ноги и резко вскрикнула:

– Ты подлец! Подонок! Негодяй!

Из-за соседних столов повернули к ним головы. Мимо проходивший официант приостановился, недоумевая.

– Я чем-то обидел тебя? – разочарованно спросил он. – Я не хотел обидеть тебя!

– Я тебя ненавижу! – задрожала она всем телом.

– Вот видишь, – спокойно сказал он. – Как же мы можем создавать семью, когда с твоей стороны такая ненависть?

Отбросив стул, она кинулась к выходу из ресторана. Он проводил ее взглядом и с облегчением вздохнул:

– А у меня нет к тебе ненависти. Я просто не люблю тебя. – Прижался к спинке резного стула и прикрыл глаза.

Официант принес заказанные блюда. Расставил на столешнице, вопросительно посмотрел на Кирилла. Тот открыл глаза, кивнул, ничего не говоря. Официант отошел. Кирилл еще посидел некоторое время, потом достал портмоне, положил на стол деньги, поднялся и вышел из ресторана. На улице было солнечно. Но вместе с тем что-то тяжелое придавливало к земле. Давило на плечи, на шею, на руки, на ноги. А внутри, в душе, словно образовался тяжелый ком и плю-

шил ее безжалостно. Кирилл не понимал, что с ним происходило, но это определенно не было связано с Анной. Обратил внимание, что пешеходы на улице не шли, а волочили ноги, с трудом отрывали их от асфальта тротуаров и беспрестанно вытирали пот с лиц и шей. Так обычно бывает при большой усталости. Кирилл стал спускаться с крыльца и ощутил тяжесть в ногах настолько сильную, что с трудом переставлял их со ступени на ступень. Отошел несколько шагов от крыльца и полез в карман за носовым платком. Пот выступил на лице и под мышками. Кирилл не понимал, что происходило. Остановился, обтерся, наблюдая, как люди с тротуаров старались найти для себя местечко на скамейках, сплошь занятых другими. Кирилл снова двинулся к парковке, нашел глазами свою машину. Добравшись до нее, с трудом уселся за руль. Опять обтерся платком и расслабился, вжимаясь в сиденье. Включил приемник. Загремела какая-то музыка. Он искал волну без музыки. Остановился на новостях. Привычного новостного фона не услышал. Понеслись какие-то голоса – торопливые, встревоженные, порой кричащие, перебивающие друг друга. Кирилл прислушался. Понять было трудно. Он наострился и наконец стал улавливать смысл. Беседа была сумбурной. Вопросы сыпались вразнобой, и так же вразнобой раздавались ответы. Ухватил, что трое задавали и трое отвечали.

– Недавно пришло сообщение о чрезвычайном заседании Правительства. Приборы по всей планете фиксируют вне-

запное начало быстрого смещения полюсов Земли. Земная ось меняет свое положение. Что вы на это скажете? Сообщают, что это фиксируется каждую минуту и каждый час. Есть опасность, что Земля изменит скорость своего вращения. В сутках будет другое время. Что вы скажете? Насколько это опасно для людей? Из разных точек Земли приходит информация о том, что моря, океаны и реки начинают выходить из своих берегов. Идет их хаотический разлив и хаотичное смещение. Многие острова на Земле уже ушли под воду. С одной стороны вода наступает на сушу, а с другой возникают новые участки суши. Во многих местах это уже не метры, а десятки километров. Что происходит? Неужели ничего нельзя сделать? – звучали разноголосые вопросы.

– Все очень опасно, потому что ученые не могут прогнозировать, когда закончится движение земной оси и полюсов, и в каких новых точках Земли они установятся. Все началось неожиданно и стремительно. Не менее страшное, что льды Северного и Южного океанов тоже начинают движение на сушу. Катастрофа усилится, когда они станут таять. Ничего невозможно предугадать и предусмотреть. И ничего нельзя сделать. Стихия. Можно только посоветовать людям, чтобы они срочно покидали места своего проживания, где наступает вода, и перемещались туда, откуда вода уходит или где есть возвышенности! – доносились нестройные ответы.

Но вопросы не прекращались:

– Вы считаете, что катастрофа будет, когда начнут таять

льды? А сейчас, по вашему мнению, катастрофы еще нет? К нам в редакцию непрерывно идут звонки. Люди спрашивают, почему давление в атмосфере ужасно растет? Что происходит, что меняется в атмосфере, кроме давления? Это удары стихии или магнитные бури? Все труднее двигаться и дышать. Сильная ломота во всем теле. Разве вы не чувствуете этого здесь и сейчас? Даже разговаривать нам с вами нелегко. Болит голова, давит на виски и на глаза. Такое ощущение, будто глаза вылезают из орбит.

Прижав затылок к подголовнику, Кирилл потер лоб. На виски ему тоже давило. И пока он сидел без движения, это давление было терпимым, но когда начинал двигаться, ощущал его с новой силой. Никогда прежде не придавал особого значения катаклизмам на Земле. Какие-то были давным-давно, какие-то происходили в настоящее время. Но все они случались далеко от него и не казались страшными, ибо не угрожали его жизни. Он и сейчас не думал, что история с земной осью и полюсами не завершится так же внезапно, как началась. Где-то произойдут изменения, а где-то все останется как было. Конечно, на Земле многое изменилось за миллионы лет, но не с такой быстротой, как сейчас. Все вернется на круги своя. И будет происходить так же медленно, как было всегда. Одно, пожалуй, смущало его: непонятно, что происходило в атмосфере. Ему казалось, что все собралось в кучу. Определенно можно сказать, что появилась какая-то аномалия. Кирилл усилил звук приемника и вновь прислу-

шался, прикрыв глаза.

– На эти вопросы пока нет ответов. Да, с атмосферой что-то происходит, что-то в ней меняется. Но все происходит так быстро, что ученые не готовы сразу объяснить это. Непонятно, как изменение направления оси Земли, перемена мест полюсами влияет на происходящее. Да, приборы показывают изменение давления, но глобальные причины тем временем неясны. Правда, активность Солнца быстро растет. Но вращение Земли пока не ускорилось и не замедлилось. Атмосфера Земли также пока остается прежней и в своих пределах, – неслись в ответ растерянные голоса.

– Пока вы будете выяснять причины, все континенты на Земле поменяют свои места и географические очертания! А заодно и названия! – возмущенно и отчаянно бились не менее растерянные выкрики.

– Но без знания причин невозможно предпринять какие-либо разумные действия, – оправдывались в ответ. – Мы на протяжении многих лет следили за смещением полюсов. Это происходит уже давно. Но величины были настолько малы, что изменения на Земле происходили незначительные, почти незаметные. Никто не ожидал, что ось Земли начнет так быстро менять свое положение, что смещение полюсов внезапно ускорится многократно. Ученые всего мира в тупике. Если это не остановится, все грозит населению Земли не просто катастрофой, грозит исчезновением. Вы представляете, что произойдет с людьми, когда вокруг них не останется

привычной среды обитания?

Кирилл поморщился. С какими это учеными ведут беседу в редакции? Они не ученые, они какие-то паникеры. А с другой стороны, кто-то должен предупредить население планеты о возможных грядущих изменениях. Но что может появиться вместо привычной среды обитания? Сплошной океан или неосвоенные, непригодные для жизни людей участки суши? По телу Кирилла пробежала холодная дрожь. Не хотел бы он сейчас очутиться в непривычных условиях. Ибо это означало бы обрушение всех его планов и устремлений, коих у него в голове слишком много. Тогда наступит одно желание: выживать любой ценой. Все существование будет направлено на это. Как у лесных зверей.

– Черт, как раскалывается голова! – отрывисто раздалось из приемника. – Невозможно вести передачу дальше! Надо сделать перерыв. – И тут же другой голос объявил: – Перерыв на несколько минут! Уважаемые радиослушатели, послушайте музыку! Не переключайтесь! После музыки мы продолжим в эфире разговор с учеными! Надеемся, что этот разговор поможет вам всем сориентироваться в том, какие решения принимать в сложившихся обстоятельствах.

Кирилл снова поморщился. Да, при таких ученых ответах только и принимать решения. Эти ответы не только не выведут никуда, а, наоборот, заведут, где сам черт не ночевал. Музыка из приемника казалась кошмарной, долбила по мозгам, как молот по наковальне. Кирилл потянулся к прием-

нику, чтобы отключить, но не успел коснуться кнопки, как мелодия внезапно оборвалась и выплеснулся встревоженный голос:

– Срочное сообщение! Срочное сообщение! Нам только что поступило сообщение, что смещение земной оси и полюсов ускорилось. Из Великобритании пришла информация, что остров начинает топить. Волны поднимаются все выше и погружают прибрежные города в воду. Западное побережье Европы тоже тонет. Люди в панике. Бросают все свое имущество и бегут на восток. Также сообщают, что вместе со смещением полюсов стремительно меняется направление вращения Земли. С этим связано движение воды на планете. Неужели человечество бессильно каким-то образом остановить это? Мы понимаем, что это стихия, но ведь у нас уже не времена Всемирного потопы. Человечество значительно поумнело, технический прогресс в наивысшей точке развития. И все же получается, что обуздать стихию мы не в состоянии. Справиться с нею неспособны. Так чего же нам ждать дальше? Ученые не дают ответа. Мы обещали вам продолжить передачу: разговор с учеными.

Но, к сожалению, вынуждены извиниться перед слушателями. Как только пришло сообщение об ускорении смещения земной оси и полюсов Земли, так наши гости сразу покинули студию. Видимо, они сейчас больше нужны на своих рабочих местах, нежели на этой передаче. Но мы не обиделись на них. Если их работа поможет исправить положение, в

котором оказалось население Земли, пусть усиленно трудятся. Вот новое сообщение с Африканского континента. Океан топит западное побережье Африки. Никто не может объяснить, почему океан наступает со стороны запада. Это противоречит всем известным законам природы, ибо движется вслед за вращением Земли, тогда как все должно бы быть ровно наоборот. Среди нашей редколлегии нет ученых, поэтому мы ничего не готовы научно объяснить, но, руководствуясь собственными умозаключениями, можем предположить, что, очевидно, открытые ранее законы – законы, по которым мы всегда жили, – теперь перестают действовать. И наступает пора, когда вместо старых надо будет открывать новые законы, чтобы человечество могло существовать и дальше. К тому же, вот мне подсказывают, ученые опасаются, что Земля может полностью поменять направление своего вращения вокруг своей оси. И восход, который мы всегда встречали на востоке, будет приходить к нам с запада. Если, конечно, будет кому его встречать. Мы не знаем, что произойдет на Земле, если подобные опасения подтвердятся, но мы точно можем предположить, что с планетой случится нечто невероятное. Редакция призывает всех слушателей молиться за то, чтобы этого не произошло, чтобы полюса вернулись на свое прежнее место и чтобы все у людей было хорошо!

Кирилл с трудом втянул в себя воздух и нажал кнопку, отключая приемник:

– Шизики, – пробормотал себе под нос. – Совсем спятили. Земля у них закрутится в другую сторону. Не тем местом думаете. Сидите там и гоните пургу. Не конопатьте людям мозги. Поумерьте пыл. Вранью надо знать меру. – И сам себе усмехнулся. Только что по извилинам мозга гонял мысли об иной среде обитания. Наслушался всяких бредней. Да уж. У страха глаза велики. Так можно и до ручки дойти. А что, собственно, неординарного происходит? Океан топит прибрежные районы? Ну, это, пожалуй, страшно для тех, кто там живет. Для остального населения планеты без происшествий. Если не считать этого бешеного давления. Так ведь и оно не постоянное. В ресторане сидел – ничего не чувствовал. Ударило, когда вышел на улицу. Так совпало. Атмосферное давление – оно может меняться десять раз на день. Ничего необычного в этом. Скоро пройдет. Он стиснул зубы и надавил пальцами на лоб. Голова все-таки трещит, больно прикоснуться к черепной коробке. Того и гляди развалится надвое. И откуда только прет это сумасшедшее давление? На небе ни облачка. День обычный. Как всегда.

Кирилл повел глазами по сторонам. Обратил внимание, как на тротуаре остановилась девушка в светлом топе и джинсах, с дамской сумочкой на плече. Достала из нее платочек, вытерла пот со лба, затем прижала платок к носу. Несколько раз посмотрела на него и сошла с тротуара к дереву. Оперлась на ствол, а затем стала медленно опускаться на колени и валиться набок. Кирилл было отвернулся к

любовому стеклу, но в голове чиркнула мысль, что девушка может упасть, и он опять повернул лицо к тротуару. И действительно, та уже лежала под деревом. Возле нее остановилась пожилая пара. Склонились. Потом мужчина полез в карман, достал телефон и долго перебирал по нему пальцами. После чего озадаченно закрутил головой. И тяжелой походкой, не обычной старческой, а отяжелевшей придавленной, точно нес огромный мешок на спине, направился к парковке, напрямик к машине Кирилла. Стукнул пальцами по стеклу. Морщинистое лицо было потным и усталым, глаза – круглыми и красными. Кирилл опустил стекло.

– Молодой человек, – с частыми длинными передышками медленно проговорил мужчина. – Вы не могли бы сейчас позвонить в скорую помощь со своего телефона? Мой смартфон что-то перестал работать, странно это, я ведь утром зарядил его, – пожал плечами и еще раз попросил: – Позвоните.

– Что-то случилось? – спросил Кирилл, чувствуя, как сам еле ворочает языком. Вопрос был излишним – парень сразу сообразил, что с девушкой плохо.

– Девушка без чувств, у нее носом идет кровь, – замедленно выговорил мужчина. Голос был чистым, с легкими вибрациями. – Видите, лежит под деревом? Возле нее моя жена. Надо вызвать скорую. Наверно, солнечный удар. А может, все из-за этого кошмарного давления. Оно способно убить.

Достав телефон, Кирилл набрал номер. Но звонка не по-

лучилось. В ответ стояла глухая тишина. Он несколько раз повторил набор. Результата никакого. Беспомощно развел руками:

– Не понимаю.

– Все понятно, молодой человек, дело не в телефоне. Связь нарушена, – огорченно сказал мужчина. – Но что-то надо сделать. Не бросать же девушку на произвол судьбы. – Потер потные ладони о синие брюки, зачем вытащил из внутреннего кармана легкой безрукавной серой куртки телефон, посмотрел на него, вздохнул и снова сунул в карман. Поправил воротник клетчатой рубашки, спросил: – Вы уж извините за назойливость, молодой человек, но, может, вы отвезете ее в скорую? – и повторил: – Не бросать же ее здесь посреди улицы. Это не по-человечески.

– Почему я? – поморщился Кирилл.

– Но у меня же нет машины, – медленно парировал мужчина. – К тому же на парковке в других машинах не видно водителей.

– Ну что ж, ведите ее сюда, – вздохнув, согласился Кирилл.

– Так она же без чувств, – со скупой укоризной натужено напомнил мужчина. – Ее надо принести. Одному мне тяжело, а жене моей тяжести нельзя поднимать. Помогите мне, молодой человек.

– Послушайте, мужчина! – Как иглой кольнуло в сердце парня. В этот миг он забыл о давлении, о головной боли, о

тяжести во всем теле. – А если она по дороге концы отдаст? Мне потом с полицией дело иметь? Вы-то будете ни при чем. А я должен буду отмываться. Я ее знать не знаю. Ни имени, ни отчества, ни фамилии. Если это ваша родственница, то и отвечайте за нее. Ко всему, коль она без чувств, везти ее надо не в скорую, а в больницу.

– Она не наша родственница, молодой человек. Просто она упала на улице у нас на глазах, и нам ее по-человечески жалко. Мы же люди, а не звери. Но если вас больше устраивает вариант с родственницей, тогда, – он сделал передышку, – если вы не возражаете, мы поедем вместе, – предложил мужчина.

– Это другой расклад, – протянул Кирилл. – Надеюсь, она жива.

– Разумеется, разумеется, – закивал мужчина.

Превозмогая тяжесть ужасного давления, Кирилл медленно выбрался из авто и побрел следом за женщиной. Их встретило расстроенное лицо его жены:

– Не приходит в сознание, – издали едва слышно сказала она. Впрочем, произнесла она громко, но расстояние и тяжесть, сдавившая виски и заложившая уши, не дали возможности Кириллу услышать полный звук. Женщина была в легкой зеленоватой кофточке и бежевой юбке ниже колен. На худощавом моложавом лице была такая же утомленность, как у мужа, а в движениях – замедленность, как у всех пешеходов.

Девушка лежала на спине. На ее верхней губе Кирилл увидел засохшие струйки крови – потеки из носа. Светлый обтягивающий топ испачкан землей и зеленью травы. Дышала. Небольшая грудь ритмично поднималась и опускалась. «Жива – это уже хорошо», – скользнуло у парня в голове. И на мордашку ничего себе. Бросить такую красотку посреди улицы было бы свинством. Вдвоем приподняли ее с земли и понесли к машине. Женщина шла рядом. Кирилл поинтересовался:

– Вы не смотрели у нее в сумочке – может, там паспорт есть или какие-нибудь другие документы?

– Не смотрела, – сказала женщина. – Как можно? Это же ее личные вещи.

– А если бы она умерла?

– Тогда другое дело, – с одышкой отозвалась женщина.

Девушку в полусидячем положении поместили на заднем сиденье. Мужчина и женщина устроились по сторонам от нее. Кирилл сел за руль. Но прежде, чем завести мотор, морщась, обернулся:

– Подайте ее сумочку. Поищу документы, – и, видя на лице женщины возражение, пояснил: – А как же иначе? Вы представитесь в больнице ее родственниками, а не знаете, как ее зовут и где она проживает. Это подозрительно. Странные родственники. Так и в полиции недолго очутиться.

С явной неохотой, однако понимая, что парень прав, женщина подала ему дамскую сумочку девушки. Он быстро пе-

ребрал содержимое и вытащил паспорт:

– Я же говорил, что паспорт здесь. Сейчас посмотрим, как ее зовут. Запоминайте. Чик Ибра Фид, – прочитал и озадаченно уставился в текст. В уме еще раз перечитал, думая, что не понял. – Иностранка, что ли? А почему паспорт наш? – Но с заднего сиденья ему не ответили. На лицах мужчины и женщины не было никаких эмоций. Повторил еще раз. – Значит, иностранка с нашим гражданством. Чик Ибра Фид. Национальность неизвестна. В больнице если спросят, придумайте сами. А прописана, – он перелистнул страницы, – по адресу: улица Лунная, дом семь. – Снова спросил: – Кто знает, где улица Лунная? – Подождал ответа, не дождался, заключил: – Понятно. Я тоже не знаю. И навигатор теперь не помощник: телефон не работает. В общем, как водится, все в одну кучу. – Положил паспорт и сумочку девушки на соседнее сиденье, запустил мотор, включил скорость, нажал на педаль газа.

Машина двинулась тяжело и медленно, как будто была загружена под завязку. Всю дорогу до больницы Кириллу приходилось постоянно газовать. Его не покидало чувство, что ехал он сейчас словно на лошади, которая из последних сил едва тащила перегруженную телегу, спотыкалась, и постоянно требовалось ее подгонять. Обращало на себя внимание, что людей на тротуарах становилось все меньше. А другие авто на дороге тянулись так же трудно, моторы их работали с натугой, рычали. Кирилл стискивал зубы, сожалея уже о том,

что согласился ехать в больницу. Тут хоть самому обращайся к врачу. Ехать было нелегко. Иногда перед глазами начинали плыть радужные круги. И тогда он встряхивал головой и часто моргал, стараясь разогнать их. Но головная боль не проходила. Уже начинало сильно ломить затылок. В зеркало заднего вида поглядывал на пассажиров. Девушка беспомощно полулежала, голова откинута назад, глаза закрыты. «Ладно уж, – оживлялся его мозг, когда видел ее бледное лицо. – Жалко, если такая красотка прикажет долго жить. Довезу до больницы – пусть врачи разбираются». Мужчина и женщина были неподвижны. Прижались к спинке сиденья и, казалось, перестали дышать, смежив веки. Так и подъехали к больнице. Кирилл заглушил мотор, намереваясь объявить, что прибыли на место, но вдруг в зеркало увидел, как голова девушки стала подниматься и глаза раскрылись. «Чудеса!» – мелькнуло у него в голове. Девушка зашевелилась. А следом за нею слегка оживились мужчина с женщиной. И тут у Кирилла в голове первый раз щелкнуло, что их имена он даже не спросил. Хотя зачем они ему нужны? Пусть берут девушку и топают с нею в больницу. Так вот она перед ними.

– Приехали? – подал голос мужчина.

Девушка закрутила головой. В глазах стояло недоумение, бледность с лица стала медленно сходить, легкий румянец оживил его:

– Кто вы? – проговорила испуганно. – Где я? Что вам от меня нужно?

Женщина начала длинно объяснять, как они шли за нею, как она сошла с тротуара и упала, как они подошли, и так далее, и так далее. В конце Кирилл не вытерпел и, морщась от головной боли, прервал женщину:

– В общем, коротко, Ибра: я привез тебя в больницу. Эти люди согласились сопроводить тебя. Поднимайся и вперед!

– Откуда вам известно мое имя? – изумилась та, все больше приобретая уверенность в себе.

– Из твоего паспорта, – ответил Кирилл и протянул ей документ, а следом и дамскую сумочку.

– Вы копались в моей сумочке? – возмутилась Ибра, краснея еще больше. – Да как вы посмели прикоснуться к ней?

– По-твоему, надо было бросить тебя на улице? – в свою очередь возмутился Кирилл. – Это скажи спасибо своим сопровождающим. Они канючили, чтобы я отвез тебя в больницу. Вместо благодарности она мне тут коленца выкидывает! Давайте выметывайтесь все, чтоб духу вашего больше не было! Благодарные пассажиры! Вот она – больница, а вот дорожка к ней. Надеюсь, тащить тебя больше не придется! Своими ножками потопаешь!

– Не надо никуда меня тащить! – не унималась девушка, отправляя паспорт в сумочку и проверяя, все ли там на месте. – Я тебя не просила об этом! Никакая больница мне не нужна. Я сама медсестра.

– Вы были без чувств, – вставил слово мужчина.

– Спасибо, конечно, – понизив тон перед пожилым чело-

веком, пробормотала девушка. – Но сейчас со мной все нормально. – Глянула на Кирилла. – Отвези меня туда, откуда забрал!

– Нет, вы только посмотрите на нее! Она мне еще приказывает! – заскрипел зубами Кирилл, вдавливая затылок в подголовник.

– Тебя самого надо в больницу! – воскликнула она. – Дай-ка руку, проверю давление!

– Себе измеряй! – огрызнулся парень. – У тебя вон из носа кровь текла!

Девушка запустила руку в сумочку, достала зеркальце, а затем платочком стерла следы крови на верхней губе. Мужчина и женщина по-прежнему сидели неподвижно, как два истукана. Кирилла это больше всего напрягало:

– Долго сидеть будете? – вопрошал он недовольно. – Конечная остановка!

– Так двигаться не хочется, – наконец утомленно обронила в ответ женщина и сложила на коленях руки, пальцы на которых нервно подрагивали. Она пыталась это скрыть, а потому то и дело клала ладонь на ладонь, периодически меняя их местами. – Какое-то нехорошее предчувствие на душе. Чувствуешь себя таким маленьким беспомощным человечком. Со всех сторон давит, а что давит, не поймешь.

– Может, на ночевку здесь устройтесь? – сердито съязвил Кирилл. – Бездомные, что ли?

– Обижаете, молодой человек, – сказала она, с трудом во-

рочая языком. – У нас с мужем хорошая квартира. Живем вдвоем. Дети и внуки далеко. Если что случится с нами, быстро не приедут.

– Да, вот так сложилось, – напряженно пробормотал мужчина и покачал головой.

Если бы Кирилл не услышал из приемника, что причиной всему атмосферное давление, мог запросто подумать, что те в нетрезвом состоянии, – так тягуче звучали их голоса. Разумеется, он учитывал их возраст, потому что у молодой девушки голос был поживее, но тоже словно прорывался сквозь барьеры. Впрочем, а что подумал бы, если б послушал со стороны свой голос? Кирилл усмехнулся, но усмешка больше походила на болезненную гримасу. Девушка спрятала в сумочке зеркало и сжала в ладони носовой платочек, помолчала, слушая пожилых людей, и снова обратилась к Кириллу:

– Ты отказываешь мне? Я могу заплатить.

– Я не извозчик и не такси, чтобы возить тебя туда-сюда! – поморщился тот. – И так времени из-за тебя много потерял. Уже должен быть на работе. Меня люди ждут.

– А мы, по-твоему, не люди? – проговорила она.

Кирилл опять завел мотор и включил кондиционер. Все же так дышалось легче и меньше набегал пот. Между тем ехать никуда не собирался, хотя девушке, когда она услышала, как заработал мотор, показалось, что он внял ее просьбе. Но Кирилл зарубил на корню ее надежду:

– Послушайте, люди, я вас привез сюда, а дальше меня не касается, что вы станете делать! Перед вами больница, а вон в той стороне троллейбус ходит, а на соседней улице – трамвай. – Показал рукой. – Топайте в любом направлении, куда душа желает. Не задерживаю. И вы меня не задерживайте. А то буду вынужден начать применять физическое воздействие к вам: по одному вытаскивать из авто и отправлять на все четыре стороны! Странные люди! Чего сидите, чего ждете?

После его слов голос подал мужчина:

– Так вы в больницу не пойдете, Ибра? – спросил у девушки.

– Я на сегодня не записывалась, – попробовала отшутиться та, но получилось не очень удачно.

Мужчине определенно сейчас было не до шуток – чувствовал себя он не очень хорошо и в душе ругал себя за то, что ввязался сам и ввязал жену в эту историю. Пробормотал:

– В экстренных случаях без записи. – В голосе прозвучало сожаление, что напрасно потрачено время. И, видя, что его замечание не произвело на девушку никакого впечатления, тяжело вздохнул, прижимая руку к сердцу, сказал своей жене: – Тогда нам здесь больше делать нечего. Выходим, милая. Давай пойдем с тобой в больницу. Я что-то неважно себя чувствую. – Лицо его было серым, застывшим, словно безжизненная маска.

Они вышли на две стороны автомобиля. Соединились,

взяли друг друга за руки и медленно тяжело двинулись к больнице, пригибаясь к земле то ли под гнетом атмосферного давления, то ли под бременем преклонных лет, но скорее всего, под грузом и того и другого. В машине с Кириллом осталась девушка. Он сквозь лобовое стекло проводил взглядом мужчину с женщиной, раздраженно глянул на Ибру:

– А ты чего раздумываешь? Не вижу причин, чтобы тебе своими ножками не отправиться своей дорогой!

Ответить ему она не смогла, потому что в этот миг увидела, как на дорожке мужчина замер, схватился за сердце и начал терять равновесие. Колени подогнулись. Тело повалилось вперед. Вокруг него испуганно хлопотала жена, растерянно закрутила головой, что-то стала говорить, чего в машине было не слышно.

– Ему плохо! – натужно выдохнула девушка. – Надо помочь. – Потянулась к Кириллу, сдвинула пальцами ему плечо. – Пойдем!

– Ты же медсестра, – напомнил он, выключая мотор. – Вот и помоги. Я уже одной помог – и в дураках оказался. Больше не хочу. – Тем временем сам уже потянулся к дверной ручке.

Ибра вышла из машины и шагнула к дорожке, на которой лежал мужчина. Кирилл тоже вышел, но остался стоять у авто, наблюдая издали за действиями девушки. Та с трудом перевернула мужчину на спину. Лицо его было в крови. Падая, ударился им о тротуарную плитку. Его жена суетилась вокруг, приговаривая умоляюще с передышками:

– Осторожно! Ради бога, осторожно! У него большое сердце.

Девушка присела на корточки возле мужчины, пощупала пульс. Тихо поднялась на ноги, поискала глазами сумочку, не нашла, ибо та осталась в машине, тыльной стороной ладони вытерла пот со лба, негромко проговорила:

– Он мертв.

И тут же разнесся тоскливый вскрик женщины. Она упала на тело мужа и заплакала горько и потерянно. Ибра попыталась успокоить ее, но у девушки не хватило сил, чтобы оторвать ту от трупа. Только и успела сказать:

– Я разделяю ваше горе, но поберегите себя.

Женщина снова громко вскрикнула и затихла. Девушка насторожилась, чуть подождала и тронула ее за плечо:

– Вам плохо? Что с вами? – С усилием повернула ее на бок.

Открытые глаза женщины были неподвижны, щеки в слезах. Ибра пощупала пульс у нее. Пульса не было. Девушка не поверила себе. Прощупала еще, более тщательно. Но пульс не прощупывался. Она ладонью прикрыла ей глаза. Обернулась на Кирилла. По ее виду тот понял, что все кончено. Оба мертвы. Оставив их, Ибра оторопело вернулась к машине, пробормотала:

– Их больше нет.

– Я это понял, – отозвался парень.

– Надо сообщить об их смерти, – обронила она.

– Куда? Телефоны не работают. Интернета нет. Ничего нет.

– Хотя бы в больницу, – предложила девушка.

– Ты медсестра. Иди. А я поеду. У меня свои дела, – сказал он, намереваясь сесть за руль.

– Но это неправильно, – остановила Ибра.

– Почему неправильно? – парировал Кирилл, пожимая плечами. – Я им не родственник, не работник морга и не полицейский, чтобы заниматься их трупами. – Сделал паузу, играя желваками, надеясь приглушить боль в затылке. – Жалко, конечно, людей. Не будь этого атмосферного давления – может быть, они еще пожили бы. Но сейчас сердца не выдержали. Их жизнь закончилась. Теперь никакие твои действия этих людей не оживят, предпринимай хоть что – они не поднимутся, не потопают дальше и не поблагодарят тебя.

– Ты циник, – нахмурилась девушка.

– А в чем ты усматриваешь мой цинизм? – поморщился парень, неспешно сел за руль, достал из кармана ключ, приготовился вставить в замок зажигания. – Я говорю правду. Все так и обстоит на самом деле. Больше хочу сказать, что ты причастна к их смерти. Если бы там не свалилась с тротуара, а они не шли бы следом, не понадобилось бы им тогда напрягаться и возиться с тобой. И, может, они спокойно проществовали бы к своему дому. А здесь вдобавок ты расстроила их отказом пойти в больницу. Вот все и слилось в одно.

А теперь забирай свои шмотки из машины, метись, куда глаза глядят. Девчонка ты симпатичная, но явно мне не пара.

– Я не набиваюсь к тебе в пары, – вяло усмехнулась она. – Был бы ты миллиардер – тогда другое дело, а так, судя по твоей машине, ты сильно не дотягиваешь до него. – Открыла дверь позади водительской, нагнулась за сумочкой, чуть подумала и села на заднее сиденье. – Отвезешь меня домой, а потом свободен как птица.

– Ну ты шустра, однако! – изумился Кирилл, поворачиваясь назад. – Когда же я, наконец, от тебя избавлюсь? Решила оставить трупы на улице? Я, значит, циник, а ты душа-девица? Славно пристроилась!

– Много разговариваешь, – сказала Ибра, усаживаясь удобнее на сиденье и кладя дамскую сумочку на колени. – Побереги энергию. Не хватало еще, чтобы с тобой что-нибудь стряслось. Что мне тогда прикажешь делать? Тоже бросить тебя в машине? Включи лучше радио, новости послушать.

– В карман за словом не лезешь. – Кирилл усмешливо покачал головой. Можно, конечно, сделать усилие, вытащить ее из авто и дать пинка под зад. Но голова так изводит, и такая тяжесть в теле, что напрягаться больше не хочется. Черт с нею, нетрудно отвезти домой и пусть катится потом, как колобок по лесу. Он потянулся к приемнику: не мешает самому послушать, что балаболят в эфире по поводу земной оси. Коснулся кнопки. Из приемника громко понеслась речь. Ки-

риллу показался звук настолько громким, что в голове словно взорвалось что-то, раскалывая череп надвое и разбрасывая по этим половинкам весь мозг, в ушах зазвенело. Он убавил звук. И салон авто заполнили тревожные голоса:

– Катастрофа, надвигается катастрофа! Синоптики передают, что льды Северного и Южного океанов начали резкое движение. Пошло их интенсивное таяние. Уровень воды стремительно поднимается. Движение полюсов возрастает с каждым часом. Ось земная ушла на много градусов от прежнего положения. Это катастрофа! Остров Британия исчез под водой. Австралия утонула. От малых островов следа не осталось. Затоплены все прибрежные государства Западной Европы, под водой одна треть Американского континента и Африки. Спасения нет. Никто не может спастись. Люди не успевают бежать и не знают куда. Вода надвигается на сушу. Вода наступает стремительно. Это новый Всемирный потоп. Атмосфера превратилась в ад. Давление убивает людей. Сообщают, что в городах и деревнях люди просто падают на улицах и в домах от разрывов сердец. Это ужас, и он надвигается безудержно со страшной скоростью! Все меняется буквально поминутно! Грядет конец света! Связь со спутниками все хуже, часто прерывается и начинает полностью теряться.

Больше будет невозможно отслеживать, что происходит на Земле в режиме реального времени. Мы не сможем узнавать свежие новости и сообщать их вам. Мы слепнем. Мы

глохнем. Интернета нет. Аэропорты забиты, самолеты перестают летать, и вообще неизвестно, куда можно податься. На железнодорожных вокзалах творится то же самое. Людей пропасть, а поезда не трогаются с места. В речных и морских портах сумятица. В океанах и морях пропадаются корабли. Это ужас, что творится! Никто не может сориентироваться. Все злы и несчастны. Еще немного времени, и будут неуправляемыми. Приближается хаос. К тому же есть опасность, что наша радиостанция скоро тоже умолкнет. В эфире все становится ненадежным. Слушатели вообще ничего после этого не узнают. Наступает апокалипсис.

2

Затрудненно дыша, Кирилл с Иброй напряженно слушали эти потоки панических утверждений, которые застревали в ушах и от которых невозможно было избавиться. Кирилл не хотел верить, но его неверие совсем не значило, что этого не было на самом деле:

– Слышала? – спросил девушку, отключил приемник и медленно тронул машину с места. – Сносят мозг своими бреднями. Похоже, у всех там вывихнуты мозги. Показывай дорогу к твоему дому, я не знаю, где улица Лунная.

– Почему же бредни? – не согласилась девушка. – Ты сам свидетель, как умерли мужчина и женщина. Посмотри, до сих пор лежат на дорожке. А вон туда посмотри – там тоже кто-то лежит на земле, – показала на другую сторону улицы.

И пока ехали, много раз наблюдали на тротуарах вдоль дорог распластанные неподвижные тела людей. Возле никого не было. На полпути Ибра, сжавшись на заднем сиденье, вдруг глуховато, растягивая слова, заявила:

– Я не поеду домой. Не хочу оставаться одна.

– Треп из приемника напугал? Не бойся, до нас это не докатится. Слишком далеко. К тому же мне по жизни всегда везет. Там, где я, ничего произойти не может, – вяло сказал Кирилл, притормаживая авто. – Ты же медсестра – дуй к себе на работу. Там найдешь компанию. Судя по тому, что про-

исходит на улицах, у медиков сейчас работы будет невпро-
ворот. А я с тобой нянчиться не собираюсь, возиться с тобой
не с руки. У меня тоже работа.

– Какая работа? – возразила девушка, промокая носовым
платком пот на лице. – Рабочий день закончился. А мое де-
журство в больнице через двое суток. – И вдруг огорошила: –
Поеду к тебе! – проговорила таким тоном, точно перед этим
долго раздумывала и, наконец, согласилась на его предложе-
ние, которого он не делал.

Кирилл от неожиданности машинально надавил на педаль
тормоза, припарковал машину на обочине, оторопело выта-
рашил глаза:

– Что? С чего ты взяла, что я повезу тебя к себе? Я ком-
наты внаем не сдаю. К тому же, как ты сама заметила, я не
миллиардер. Пожиться у меня нечем, деньгами не сорю,
любовниц не содержу. Кроме того, у меня есть жена и куча
детей.

– Не ври! – прервала она его. Медленно набрала в легкие
воздух и так же медленно выговорила: – Никого у тебя нет.
Женатые так не выглядят. И так себя не ведут. После того,
что ты услышал по радио, женатый все бросил бы и в первую
очередь понесся домой – спасти свою семью. А ты ведешь
себя как полный идиот. Значит, ни за кого не чувствуешь
ответственность. Такими бывают только холостяки. Причем
махровые, закоренелые эгоисты, любят только себя. Девуш-
кам с удовольствием пудрят мозги, а потом бесстрастно бро-

сают их. Тебя надо в музее выставлять с табличкой: «Не подходить. Токсичен».

Кивая головой, делая вид, что соглашается с нею, хотя в душе такая характеристика его несколько покорибила, парень подхватил, стоило ей закончить:

– И зачем тебе переться к такому на квартиру? Подкати под бочок к какому-нибудь надежному персонажу.

– А где они, надежные, среди вашего брата? – спросила она с явным разочарованием. – Или маменькины сынки, или пустобрехи. Маменьки с радостью спихивают вас со своей шеи на шею жены, а вы вместо жены хотите иметь вторую маменьку. А уж брехать горазды: и «звезды с неба достану», и «на руках носить буду», а сами сядете на шею жене и ничем не согнать оттуда, пока жена сама это ярмо с себя не сбросит. Запомни: женская шея создана для украшений, а не для того, чтобы кто-то сидел на ней! Не стало среди вас настоящих мужиков. Все какие-то ущербные, убогие душонки. А это потому, что воспитывают вас в основном матери, настоящей мужской руки рядом нет. Вот и вырастаете вы такими слизняками, стараетесь везде прилипнуть, присосаться, приспособиться, чтобы и обстиранными быть, и накормленными. Без инициативы и без умения трудиться на благо семей своих. От этого уйма разводов. И ничто вас не спасет, пока не станете настоящими мужиками.

Усмехнувшись, Кирилл помолчал, некоторое время собирался с мыслями и произнес:

– У тебя, видать, богатый опыт. Спорить не стану. Если хочешь испытать меня, то не советую. Зачем наступать на те же грабли? Открывай дверь, и – весь мир для тебя. Дарю.

– Нашел что дарить, – осуждающе покачала головой Ибра. – Мир, который рушится. Стремительность, с которой все происходит, не оставляет надежд.

– Брось болтать, – поморщился Кирилл, массируя пальцами левый висок, в который, казалось, переместилась вся затылочная боль. – Надежда всегда есть, пока человек живет. Весь мир не разрушится. Что-нибудь останется. – Сделал паузу и добавил: – Не поддавайся панике.

Ибра намеревалась что-то ответить, но в этот момент вдруг у машины возникли трое: молодая пара с ребенком. Ребенку было лет пять, но он, очевидно, выбился из сил, и его на руках держал отец. Между тем оба родителя выглядели не лучшим образом. Худые, невысокие ростом. Взмокшие от пота, измученные, поникшие, еле стоявшие на ногах. Мать ребенка постучала в стекло, вернее сказать, нерешительно поскреблась, безнадежно моргая глазами. Кирилл приспустил стекло. Она пролепетала упавшим голосом:

– Отвезите нас на вокзал. Мы больше не можем идти. У нас уже нет сил. Такси нигде нет, а все другие нам отказали. Если вы откажете, мы упадем.

– На какой вокзал? – невесело откликнулся парень. – Вы слышали радио? Поезда никуда не ходят.

– Мы ничего не слышали, – продолжала вымаливать она,

вцепившись пальцами в свой синий топ. – Подвезите, прошу вас! Нам надо уехать отсюда. У нас ребенок. Мне страшно за него.

– Я вам объясняю, – сердито повысил голос Кирилл, говоря с одышкой. – Поезда никуда не ходят. Нет связи. Понимаете? Никакой связи нет. Ни с самолетами, ни с поездами, ни между людьми. Идите домой и сидите там.

– Наш дом далеко отсюда, – вставил слово ее муж, видя, как разговор жены доводит ее до изнеможения. Приталенная салатовая рубашка у него на спине была мокрой. – Мы не здешние. Тут в отпуске. Хотим уехать домой.

– Что за день сегодня! – вырвалось у Кирилла. Он несколько раз вздохнул. – Почему ко мне все обращаются, как в контору по услугам?

– Они едва держатся на ногах, – заметила с заднего сиденья Ибра. – Помоги.

– Сиди молча! – помрачнел парень. – У тебя права голоса здесь нет.

Девушке не понравилось такое обращение. Она оторвала себя от спинки сиденья, подалась вперед. В глазах вспыхнула неприязнь. Он определенно разозлил ее. Ибра не привыкла к такому обращению и никогда не допускала, чтобы ею помыкали. Несмотря на то что в его машине она находилась на птичьих правах и уже сносила терпеливо его некоторые выходы, но не до такой же степени, чтобы ей всякий обормот закрывал рот! Мысль, в которой парень был назван обормотом,

том, пришлось ей по вкусу. Собственно, она ничего о нем не знала и действовала, руководствуясь интуицией. Он вполне мог быть охламоном, а мог быть приличным человеком. Но в сложившихся обстоятельствах было страшно оставаться одной, хотя и от него как от козла молока, но все-таки в данной обстановке не было чувства одиночества. Зацепилась за первую попавшую возможность после того, как атмосферное давление свалило ее с ног посреди улицы. Он не отказал мужчине и женщине, помог дотащить до своей машины. Хотя мог бы отмахнуться и катить своей дорогой. А ведь ей было реально плохо. Могла бы и коньки отбросить. Возможно, прохладный воздух от кондиционера привел в чувство. Так, либо иначе, но парень сыграл свою положительную роль. Сейчас ей чуть легче. Она отдает ему должное. Но язык пусть придержит. Конечно, она могла бы не цепляться за него, отправиться к своим знакомым и друзьям, но неизвестно, что сейчас происходит с ними, где они и как переносят то, что творится в мире. Все вокруг определенно напуганы. Городские улицы стремительно пустеют, людей почти не видно. Транспорт пропадает. Шум на дорогах умирает. Совсем не исключается, что, отколовшись от этого парня, останешься в пустоте. Ни друзей не доищешься, ни до дома не дотащишься, станется – полная неизвестность. Ни телефонов, ни радио, ни телевидения. Сычом завывать придется и ждать невесть чего. Между тем парня осекла:

– Ты бы, право-голосый, пожалел людей. Не заставлял их

унижаться. У них ребенок. Если умрет, ты виноват будешь.

– Посмотрите на нее! – повысил голос Кирилл и на одном дыхании, чувствуя, как бешено пульсирует кровь в висках, вытолкнул из себя: – Залезла без спроса в мое авто и меня же пытается в чем-то обвинять! – отдышался, сбрасывая напряжение. – Зачем им помогать, если на вокзале они застрянут на неизвестное время? Передали же, что все вокзалы забиты желающими уехать. Наверно, ни сесть ни встать.

Мать ребенка, слушая их препирательство, умоляюще смотрела на Ибру. Казалось, она готова расплакаться, но, наверно, уже не было сил, чтобы плакать, и она просто смотрела заискивающе и вместе с тем отрешенно. Такой взгляд бывает у человека, который хочет жить, но вместо этого собирается умирать. Поймав ее глаза, Кирилл потянулся к противоположной двери, чтобы открыть ее, но передумал, сказал:

– Садитесь на заднее сиденье.

И тут у молодой матери появились на глазах слезы. Она захлеб попыталась поблагодарить, но вместо этого навзрыд судорожно стала тягуче говорить что-то неразборчивое и, очевидно, в этот момент совершенно бессмысленное. Муж стал успокаивать ее, устало роняя одно и то же слово:

– Ну, ну, ну, ну.

Ибра вышла из машины. Открыла для них дверь. Они медленно, один за другим сели, посадив между собой ребенка. И затем сразу отключились. Расслабившись, внезапно почувствовали такое облегчение, что перестали ощущать

свои тела, лишь в одном дыхании еще чуялся живой дух. Сомкнувшиеся веки не открывались. Мозг никаких мыслей не воспроизводил. Голоса исчезли. Ибра закрыла за ними дверь и села рядом с Кириллом. Тот глянул на нее недовольно:

– И что мне теперь делать с ними?

– Дай им отдохнуть. Они измождены, – сказала девушка.

– Они что, на железной дороге шпалы таскали? – досадливо поморщился он.

– Каждый по-своему борется за жизнь. – произнесла Ибра. – Наверно, долго пытались попасть на вокзал. Все отказывали. Один ты пошел навстречу. Сейчас всякое движение делается с трудом. Даже говорить трудно.

– Вот и не говори, без тебя тошно.

– Ты же оптимист.

– Знаешь, мне сейчас кажется, что оптимизм появляется тогда, когда ничего другого не остается. Даже идущие на казнь верили, что они будут жить вечно, – выговорил он и затих, облокотился на руль, лбом оперся на руки, делая глубокие вздохи.

Ибра тоже замолчала. Было такое состояние души, когда загадывать что-либо наперед бессмысленно, поскольку никто не знал, что уготовила им судьба. Мысли были скудными, предчувствия не радовали, с трудом приходилось пре-возмогать боль не только в голове, но и во всем теле, будто мышцы превращались в тряпки и не могли уже полноценно управлять движениями. Временами чудилось, что мало-по-

малу душа уходила в пятки, и приходилось с усилием ее оттуда вытаскивать. Если все происходило точно так, как говорили по радио, а она не могла не верить в это, то им теперь оставалось только одно: включить весь свой оптимизм. Не отрываясь от руля, Кирилл слегка завозился, точно искал для себя удобную позу, затем подал голос:

– Не могу я ждать, когда они выспятся! И куда их везти, тоже не знаю. Где проводили свой отпуск? У друзей, в гостинице или в санатории? И примут ли их там назад? – пожал плечами, поднял голову.

– Сейчас вряд ли от них ты чего-то добьешься, – откликнулась девушка. Сделала паузу, прежде чем продолжить: – Но на вокзале им точно делать нечего. Остается одно: если ты не хочешь везти их к себе домой, предлагаю поехать ко мне. Места на всех хватит. И на тебя в том числе.

– Разумеется, я не хочу вас всех везти к себе домой, – поморщился Кирилл. – У меня не пункт приема пострадавших. Обыкновенная квартира.

– Положим, мы еще не пострадавшие! – возмущенно вспыхнула Ибра, и эта короткая вспышка стоила ей усилий, от которых перед глазами запрыгали темные зайчики. Она прервалась, сжалась, пригнув голову, и сидела так некоторое время, приходя в себя. Надо было успокоиться. Профессиональное чутье медсестры подсказывало, что внешнее давление снова стало расти. Не следует вспыхивать, спорить и много говорить. Неплохо было бы теперь прилечь и сделать

укол от давления. Дома в ее аптечке все есть, и неплохо было бы сейчас заехать в аптеку и прикупить еще лекарств. Наверняка те нужны всем, кто в машине. – Мы лишь оказались в трудном положении. А впрочем, неизвестно, что ждет нас дальше, – и, неожиданно для Кирилла, спросила: – У тебя деньги есть? Надо заехать в аптеку.

– У меня банковская карта есть.

– Банкоматы наверняка не работают. Не понимаешь разве?

– Есть и наличка. Много надо?

– Все, сколько есть.

– Ты сумасшедшая?

– Выжить хочешь?

– Умирать не собираюсь.

– Тогда поезжай в аптеку.

Кирилл тронул машину с места. Глаза забегали по уличным вывескам. Скоро попалась вывеска аптеки. Подрулил к ней. На заднем сиденье завозился отец ребенка, подал слабый голос:

– Приехали на вокзал?

– Деньги есть? – в свою очередь спросил Кирилл.

– На билеты? Есть. – Полез в карман брюк. Долго вытаскивал портмоне, долго раскрывал его. Затем протянул купюры Кириллу.

Тот взял, показал Ибре:

– Этого хватит? Я ему потом отдам.

– Пошли вместе, – сказала она и раскрыла дверь.

Пожав плечами, не понимая, зачем он нужен в аптеке, Кирилл тоже вылез из-за руля. Вдвоем вошли внутрь. Никого. Ибра постучала пальцами по аптечному прилавку, позвала:

– Кто-нибудь живой есть?

В ответ ни звука. Девушка постучала еще. Опять тишина. Она дернула дверцу, чтобы пройти за прилавком. Та на крючке изнутри. Взглядом показала парню. Кирилл понял. Рванул ее на себя, ломая крючок. Ибра прошла. Там внутренняя дверь. Она заглянула за нее и махнула рукой Кириллу, чтобы шел за нею. В помещении со шкафами и полками на стуле сидела женщина. В белом халате, лежа грудью на столешнице. Под головой скрещенные ладони. Ибра коснулась ее спины, чуть толкнула. Та зашевелилась, приподняла лицо и с трудом подалась к спинке стула.

– Вам плохо? – спросила Ибра и пощупала пульс. Потом попросила Кирилла: – Придержи ее.

Тот положил аптекарше на плечо руку. Ибра зашарила по шкафам. Распаковала тонометр. Измерила давление женщине. Нашла шприцы и коробку с ампулами. Сделала ей укол в вену. Затем той же процедуре подвергла Кирилла и себя. И пока женщина приходила в норму, с верхом набрала в картонную коробку лекарств и разных приборов. Положила на стол деньги. Дополнительно раскошелила Кирилла. Тот выложил все, что у него было. Потом подхватил коробку и, чувствуя, как после укола улучшается состояние, понес лекар-

ства в автомобиль. В машине Ибра измерила давление и сделала уколы молодой паре и их ребенку. Чуть повеселев, Кирилл заметил:

– С таким набором лекарств можем и ко мне отправиться.

– Здесь не так много, – остудила его девушка. – Если все надолго затянется, этого не хватит. Правда, у меня дома тоже есть хорошая аптечка, но все равно это капля в море.

– Денег больше нет. Карманы все опустошил, – с сожалением констатировал парень и развел руками.

Пассажиры на заднем сиденье пробудились, зашевелились, и мужской голос спросил:

– Мы не на вокзале?

– Какой вокзал, к черту, Стёпа? – воскликнул Кирилл и почувствовал, что в возбужденном состоянии не ощутил той тяжести во всем теле, какая была до укола.

– Я не Стёпа, – поправил молодой отец. – Меня зовут Костя, мою жену – Лида, а сына – Дима. А вас как зовут?

В другом случае Кирилл даже не подумал бы, чтоб сообщать свое имя. Не приятель, не знакомый – так, первый встречный. Но теперь обстоятельства складывались таким образом, что с этим первым встречным придется на какое-то время сойтись, пока не уляжется вся чехарда, происходящая на планете. Должно же это когда-то закончиться наконец. А сейчас надо знакомиться. Он показал на девушку и с проравшимся вдруг юмором произнес:

– Она – Ибра. Иностранка с нашим гражданством. Наци-

ональность неизвестная. Медсестра. Противнейшая натура, любит парнями командовать. А кроме этого, неведомо, кого и что она еще любит.

– Балабол! – возмутилась девушка. – Не слушайте его. Он ничего не знает обо мне. Впрочем, я о нем тоже ничего не знаю! – Посмотрела ему в глаза. – Как тебя зовут?

– Вы что, незнакомы? – изумленно спросила с заднего сиденья Лида.

– А как же билеты? – вдогонку своей жене отправил Костя. – Я давал деньги на билеты.

– Денег не хватило! – усмешливо отозвался Кирилл. – Ни копейки не осталось после покупки лекарств.

– Каких лекарств? – оторопел Костя.

– После которых вы немного ожили, а то совсем плохи были, – сказал уже серьезно Кирилл. – Но и на лекарства денег не хватило, хоть я тоже выложил все, что у меня было.

– Зачем так много лекарств? – опять подала удивленный голос Лида.

Кирилл посмотрел на Ибру: дескать, отвечай, это по твоей части, ты медсестра – сможешь популярно объяснить. Она кивнула, словно переняла инициативу, и, полуобернувшись назад, заговорила твердым голосом:

– Затем, что сидеть нам с вами здесь придется неизвестно сколько. Все вокруг стоит. Ни уехать, ни улететь сейчас вы никуда не сможете. Связи никакой нет. По радио передали, что надвигается катаклизм. С Землей творится что-то нево-

образимое. Все пришло в движение. Вода топит сушу. Ледники тают. Земная ось меняет свое положение. Полюса перемещаются в другие места. В общем, все безрадостно. Да что я вам говорю, – глянула на Кирилла. – Включи радио – пусть сами послушают.

Парень коснулся кнопки приемника, но из него понесся только шум и скрип. Кирилл попытался найти какую-нибудь другую волну, однако везде вместо голосов одни шумы. Он вздохнул:

– Все. Эфир тоже заглох. Похоже, дела еще хуже, чем мы думаем. Мы в полном вакууме.

– Мы утром сегодня краем уха слышали кое-что, поэтому и заторопились домой, – сообщил растерянно Костя. – И что теперь делать? – Лицо Кости было таким потерянным, что его стало жалко больше, чем самих себя.

Однако стоило ли задавать вопрос, на который ни у кого сейчас не было ответа? Что бы они ни предприняли, положения вещей на планете этим не изменят. А вот изменения, происходящие с планетой, точно изменяют все их бытие. Между тем вопрос был задан, и надо было как-то поддержать молодого отца. Кирилл поинтересовался:

– Где вы проводили отпуск? У родственников, у друзей, в доме отдыха?

– Мы – дикарями. По гостиницам, – вставила слово Лида, видя, что Костя совершенно выбит из колеи, убит неожиданными обстоятельствами.

– Значит, там, где вы были, вас никто уже не ждет и никому вы не нужны, – подвел безрадостный итог Кирилл. Помолчал, вспомнил вопрос Кости и закончил: – В таком случае у вас выбора нет.

Такой ответ еще больше озадачил Костю. Впрочем, это не было ответом на его вопрос, скорее было окончательное понимание Кириллом, что у этой пары с ребенком не имеется здесь никаких нитей, соединяющих их с кем-либо, что единственная жиденькая, едва намечающаяся связь теперь только с ним и Иброй. Все складывается довольно странно. В его машине волею случая собрались четверо взрослых людей, которые понятия не имеют, кто находится рядом. И можно ли в этом упрекать случай? Он явно ни при чем. Это уже стечение обстоятельств, ирония судьбы, момент просветления. Видимо, и дальше им придется сосуществовать вместе, как бы этого ни хотелось. Но произнести все вслух он никак не желал, отгонял от себя такие мысли, надеялся, что вот-вот все разрешится, Земля вернется в свое прежнее положение и состояние, и пережитое останется лишь в воспоминаниях. Положив руки на руль, Кирилл смотрел на свои пальцы и удивлялся, как мысли его мечутся из крайности в крайность. То верит в надвигающийся апокалипсис, то верит в благополучный исход, то ни во что не верит. Уже пора прибиться к одному какому-то берегу, а не болтаться, как дерьмо в проруби. Кирилл набрал в легкие воздуху, чтобы произнести какую-то фразу, но его опередила Ибра. Она догадывалась

о метаниях Кирилла. В отличие от него, у нее медленно, но с полным осознанием происходящего на Земле все начинало раскладываться по полочкам. Волнение и страх, конечно, продолжали присутствовать, но она загоняла их под каблук и не давала возможности разгуляться. Хорошо понимала, что страх теперь не помощник, он способен в одночасье умертвить все, чему еще долго предназначено жить. Она увидела, что и Кирилл стал осознавать это. Поэтому с его лица сползла блуждающая неопределенность. Между тем она не стала дожидаться, когда он выскажется как человек, принявший на плечи неожиданно свалившиеся тяжести, и сказала просто, но вместе с тем определенно:

– Придется вам остаться с нами.

После этого наступила длинная пауза. Каждый прокручивал в голове ее слова. Для каждого из них они значили нечто свое, что следовало или принять, или отторгнуть. Для Кирилла уже все было ясно. Но вот для Кости с Лидой стало ломкой самих себя. Они пытались оживить в сознании иные варианты, но всякий раз упирались в неопределенность и неразрешимость каждого из них. Предложение Ибры тоже не решало всего, но хотя бы давало какую-то временную определенность.

– Как вы себе представляете это? – взволнованно спросила Лида.

– Очень просто, – сказала Ибра. – Сейчас мы все вместе едем ко мне. У меня в доме для всех есть место. Считайте,

что ваш отпуск продолжается. Вместе будет не страшно пережить происходящие катаклизмы на Земле. Будем надеяться, что скоро это закончится.

– А если скоро не закончится? – выдохнул Костя.

– Не будем гадать. Едем ко мне, и все!

Кирилл не спешил трогать машину с места. У него было свое жилье, и он мог спокойно ехать туда. Ибра избегала одиночества, Костя и Лида вполне способны разбавить его. Получалось, ему быть с ними совсем не обязательно. Правда, появилась небольшая закавыка: Ибра ему понравилась. Тут, как говорится, все при ней. Конечно, характер, видать, своенравный, стервозный, пытается главенствовать, но с ним этот номер не пройдет. Хотя судить сейчас о характере сложно, ибо обстоятельства таковы, что у всякого крыша может поехать и норы проявиться такой, что мама не горюй, какого отродясь не было. Между тем отвезти всех к Ибре, конечно, придется. Заодно узнать, где Лунная улица и дом номер семь. Пригодится. Оторвав глаза от руля, Кирилл пробормотал:

– В примаках я никогда не ходил. И ходить не собираюсь. Но отвезти, так и быть, отвезу.

– Значит, договорились! – улыбнулась Ибра, и Кирилл отметил, что ее улыбка ему понравилась. Девушка прижалась к спинке кресла. – Я подскажу, где, куда поворачивать, – сказала она. – Жаль, что денег больше нет. По дороге заехали бы в магазин за продуктами.

– У меня есть, – раздался сзади голос Лиды. Вытащила из кошелька деньги, показала Ибре. – Что купить хочешь?

– Все, что съедобное, – повеселела Ибра.

Машина медленно покатила по дороге, быстро набирая скорость. Кирилл опять отметил про себя, что ехал автомобиль тяжело, подобно груженому грузовику. Стало быть, ничего в атмосфере не изменилось, разве что могло ухудшиться. И то, что они в машине сейчас легче переносят внешнее давление, – это действие лекарства. Выходит, случайная встреча с Иброй имеет положительный эффект. В таком случае стоит серьезно подумать, не задержаться ли у нее на какой-то период. А дальше время покажет. Игра со смертью – нешуточное дело. Сколько уже видел упавших на тротуары людей. И сейчас наверняка еще увидит. Мысль засела в голове и не отпускала всю дорогу. Заехали в магазин, смели с полок все, на чем глаз остановился. В магазине обстановка была схожая с той, что в аптеке: народу – никого. Две кассы, за которыми едва двигавшиеся, вареные кассирши. Одна другой вяло шепчет:

– Я больше не могу. Сил нет. Надо прилечь, иначе с ног свалюсь.

– Я сама как ошпаренная, – отвечает другая. – Закрyla б магазин и домой потопала. Скорей бы день кончился.

– Все равно покупателей нет.

– Да. Куда-то испарились. Сейчас вот этих отпустим и закроем.

Город стоял на холмах. Окраина города – на самой высокой возвышенности. Ряд зданий представляли историческую ценность. Главная церковь города – старинная, но ухоженная. Так строили города в прошлом: для храма выбирали самое высокое место. Справедливости ради надо сказать, что церкви в городе были еще, но все остальные поздних построек. В этом же храме молились не один век – место считалось намоленным, благодатным. Лунная улица оказалась за церковью. Машина с трудом вытянула на вершину. Кирилл даже опасался, что заглохнет мотор. Улица неширокая и недлинная. Асфальтовая дорога, вдоль которой редкие столбы со светильниками. Дом номер семь недалеко от храма. Большой, кирпичный, двухэтажный. Высокий забор с воротами и калиткой. Подрулив, Кирилл присвистнул:

– Э, да ты миллиардерша, госпожа медсестра! – сказал Ибра.

– Я – нет. Дом от мужа остался, – пояснила та. – Развелись пару лет назад.

– И кто же он такой?

– Это уже неважно. Год назад он разбился на машине. – Обернулась назад. – Приехали. Выходим.

– В доме кто-нибудь есть? – спросил Костя.

– Должна быть домработница, если еще не ушла домой, – сказала Ибра и, подхватив дамскую сумочку, первая вылезла из авто.

Остальные тоже вышли. Открыв калитку, Ибра пропусти-

ла вперед себя молодую пару с ребенком и посмотрела на Кирилла, который не двинулся от машины:

– А ты чего стоишь? Заноси лекарства и продукты.

– Я снабженцем к тебе не оформлялся, – усмехнулся тот, – пришли своих работников.

– Никого нет, – проговорила она, придерживая калитку. – Два раза в неделю приходит домработница. На большее у меня денег нет.

– Как знаешь. Из машины я выгружу, а дальше – твое дело. – Он открыл багажник, стал вытаскивать из него пакеты с продуктами, коробку с лекарствами и складывать у ворот.

– Ну что ж, сама управлюсь, мне не привыкать, – вздохнула девушка, повесила на плечо сумочку, взяла в руки по пакету с продуктами и понесла в дом.

Кирилл смущенно потоптался возле машины, поморщился и подхватил другие пакеты. Ибра оглянулась и потеплела взглядом. Костя, державший на руках ребенка, издал восклицание, опустил на ноги мальчика и молчком развернулся к калитке за другими пакетами. Кирилл окинул взглядом двор. Было заметно некоторое запустение. Подумал: не обманула, действительно территорией давно никто не занимался. Поднялись на крыльцо. Ибра толкнула дверь. Та подалась.

– Значит, домработница еще тут, – сказала девушка и ступила через порог. В большой прихожей с зеркалами и богатой мебелью позвала: – Ин, это я с гостями! Ты где? Мы при-

несли много продуктов. Прими!

Ответа не последовало. Ибра показала рукой направо, сказала Кириллу:

– Там кухня. Неси туда. – Сама опустила пакеты на пол и пошла влево по прихожей, в сторону лестницы наверх.

Кирилл вошел в просторную кухню и застыл на месте. Возле стола на полу лежала неполная черноволосая женщина в фартуке, лица которой не было видно. Он оглянулся, прокричал:

– Ибра! Она здесь! На полу лежит! – Бросил пакеты и наклонился над домработницей.

Девушка отреагировала на крик, быстро появилась и от кухонного дверного проема предупредила:

– Не трогай ее! Я сама посмотрю!

Парень отступил. Ибра опустилась на колени, расстегнула на ней блузку, проверила пульс и стала делать массаж сердца и искусственное дыхание. Было видно, как она быстро устала, лицо покраснело, обливаясь потом. Но не останавливалась. Кирилл отодвинул Ибру, присел и стал вместо нее массировать сердце домработнице, а девушка продолжала дышать ей в рот. И когда уже казалось, что все бесполезно, домработница вдруг вздохнула и задышала. На лице Ибры застыло усталое удовлетворение. Она с благодарностью посмотрела в глаза Кириллу. В дверях, не дыша, стояли напряженные Костя с Лидой. Та прижимала к своим ногам сына. Пока домработница, женщина с корейскими чертами лица,

медленно приходила в себя, Ибра поднялась с колен, проговорила Кириллу:

– А ведь ты так и не назвал своего имени. Это что, большой секрет?

– Да нет, – отозвался он, тоже поднимаясь на ноги. – Кирилл меня зовут.

– Спасибо, Кирилл, что помог реанимировать сердце Ин. – Схватила его руку и прижала к груди, чего он никак не ожидал, и даже смутился, хотя с женщинами всегда был уверен в себе. Тем не менее на сей раз в нем будто что-то нарушилось, заиграли противоречивые чувства. Ибра отпустила его руку, говоря: – Видно, все случилось с нею перед нашим приходом. Повезло ей. Вовремя мы подросли. Я привыкла к ней. Не знаю, как была бы без нее. Не знаю.

Кирилл в раздумье кивнул, но, похоже, сделал он это не потому, что слушал ее, а в унисон собственным мыслям:

– Сейчас ты окончательно убедила меня, что лучше остаться здесь, – сказал серьезно.

– И что же именно тебя убедило? – В глазах Ибры мелькнуло любопытство.

– Если честно, – выговорил он с заминкой, – то твое знание медицины.

– Спасибо за откровенность, – разочарованно отозвалась она. – Боишься смерти?

– Не хочу раньше времени встречаться с нею, – поморщился Кирилл, точно девушка упрекнула его в трусости.

Трусом он никогда не слыл и по натуре был оптимистом. Но то, что сейчас творилось на планете, у него не укладывалось в голове, спутывало все мысли и заставляло сильно настораживаться. – С Землей происходит черт знает что, хотелось бы увидеть, чем все закончится.

– Это может не обрадовать тебя, – с горечью предупредила Ибра.

Он помог домработнице подняться с пола. Костя подставил стул. Та села, посмотрела на каждого, и из глаз покатились слезы. Никто не объяснял ей, что произошло, но она догадалась сама, что короткое время побывала на том свете. Ей сделалось страшно. Все тело болело, голова как тончайший хрустальный сосуд – дотронешься, расколется на мелкие кусочки. Ибра шагнула к картонной коробке с лекарствами. Отыскала нужные. Наполнила шприц из ампулы, сделала женщине укол, приговаривая:

– Не волнуйся, Ин. Все позади. Сейчас тебе станет лучше. – Приготовила еще один шприц с другим лекарством и сделала второй укол.

Молчком Кирилл наблюдал за этим. Когда она закончила, выдал засевшую в голове мысль, продолжив диалог с Иброй, словно не было перерыва на уколы домработнице:

– Может, не обрадует, но все равно надо стараться жить.

Слышавшие их Костя и Лида тревожно переглядывались. Они-то надеялись, что скоро все закончится, снова поедут поезда и полетят самолеты, и они отправятся к себе домой.

Но, судя по разговору Кирилла и Ибры, настроения у тех были совсем иные. Молодость всегда бесшабашна и рискованна, но и в ней живет страх, особенно за своих детей. Костя опустил глаза на сына – тот, в коротких штанишках и легкой футболке с картинкой жирафа на груди, топтался у ног матери, – подвинул мальчика к себе и взял на руки, будто прямо сейчас защищал его от предстоящих катаклизмов. А затем взволнованно спросил:

– Вы думаете, что будет хуже, чем есть? – и, не получив ответа, продолжил: – Когда мы ехали сюда, то, после уколов придя в себя, заметили, что на тротуарах в разных местах лежали люди. Почему? Что это?

Не хотелось бы Ибре никого пугать, но и выражать оптимизм не было причин. Вздохнула. Вместо нее ответил Кирилл:

– Я думаю, что это были тела людей.

– Ты хочешь сказать, что они уже мертвы? – пробормотал Костя.

– А ты сомневаешься в этом? – поморщился Кирилл. – В основном пожилой возраст. Атмосфера делает свое дело. Неизвестно, что творится с атмосферой, но явно что-то происходит. Когда работал приемник в авто, я поймал радиопередачу, на которой присутствовавшие там ученые не могли ничего вразумительно ответить на эту тему. По их представлениям, при смещении земной оси как будто ничего в атмосфере не должно происходить, а оно, как мы наблюдаем, со-

вершается. Вы тоже были близки к тому, что видели на тротуарах. Но вы молодые – силенок значительно больше, чем у стариков. Хотя сейчас молодость тоже ничего не гарантирует. Стихия по любому из нас в любой момент может прокатиться своим беспощадным колесом. Тем людям, которых вы заметили на тротуарах, ничем уже помочь было нельзя. Скажите спасибо Ибре – если бы не она, все для вас могло закончиться иначе. Сейчас Ибра – наша с вами соломинка. Так что берегите ее изо всех сил.

Притихшая домработница нерешительно подняла голову и умоляюще посмотрела на хозяйку дома:

– Иблочка, можно я сегодня не пойду к себе? Я боюсь. Я не знаю, как со мной все случилось, но мне страшно выходить на улицу одной, мне кажется, что со мной произошло что-то ужасное. Можно останусь у тебя?

– Конечно можно, Ин, места много. Для всех хватит. Ты это хорошо знаешь, – откликнулась девушка и погладила ее по плечу. – Главное, не волнуйся, все нормально. Я сама хотела попросить тебя остаться. Видишь, сколько гостей у меня? Без тебя я вряд ли управлюсь с ними.

– Чем нужно помочь? Я готова, – подала голос Лида и выступила вперед.

Утром следующего дня Кирилл чувствовал себя отвратительно. Было состояние упадка. Не хотелось подниматься с постели, даже просто отрывать голову от подушки было тяжело. Чтобы сделать какое-то самое легкое движение, приходилось силиться. Головы не чувствовал. На ее месте была одна большая боль. В глазах все плыло. Мышцы ныли, чего никогда прежде не испытывал. Скулы ломило, словно болели все тридцать два зуба. В горле першило. Попытался откашляться – не получилось. Сознание отрешилось от всего окружающего. Еще вчера вечером он собирал мысли в кучку, обдумывал дела своего небольшого бизнеса. А сейчас из головы все исчезло, стерлось из мозга, словно распрямились его извилины и он стал гладким, как резиновый мяч. Ничего не осталось. Однако в подсознании еще теплились прошлые заботы. И он стал вяло оживлять память. Повел глазами по комнате, где стоял кожаный диван, на котором, вытянувшись и укрывшись легким покрывалом, он провел ночь. Богатая мебель не произвела никакого впечатления. Конечно, не будь он в таком расплюсненном состоянии, все воспринималось бы иначе. А теперь хотелось просто закрыть глаза и ни на что не смотреть. И все-таки надо было вставать. Сколько он себя помнил, у него всегда определяющим словом было «надо». Хочешь, не хочешь, болен, не болен, устал,

не устал, а надо делать дело. И он брал себя за шиворот и двигал в нужном направлении. В общем-то, он считал себя счастливым человеком. Относительно удачливым не только в делах, но и внешнеостью не обижен: спортивная фигура, в лице все пропорционально и привлекательно, черные короткие волосы, карие запоминающиеся глаза, аккуратный прямой нос и недурная форма губ. К тому же никогда не хромал здоровьем. Бывало, во время учебы в школе по полкласса болели гриппом во время эпидемии, а ему хоть бы что. И потом, во взрослой жизни удалось найти свою нишу в бизнесе.

Не очень большим и не громком, но, как говорится, на хлеб с маслом хватало. Не везло в одном: в отношениях с девушками. По натуре он был независимым человеком – загнать его в подкаблучники шансов никаких. И пару себе искал подобную.

Ему не нужна была та, которая ежеминутно смотрит ему в рот, но и та, которая наступает на него каблуком, тоже не нужна.

Желательна золотая середина. Но, как нарочно, такие не попадались. Золото – это редкий благородный металл, его нелегко найти и добыть, так и с девушками: непросто отыскать золотой слиток. Только если повезет, если удача не отвернется. Но пока удача не смотрела в его сторону. Не раз заводил отношения.

Но одни подлаживались под него со своими тайными мыслями, другие быстро проявляли себя, напирая: «знай свое

место», а третьи были ни то ни се, но явно не золотая середина. Так и тянулось время. И казалось, что все еще впереди. Он молод и полон сил. Возраст – к тридцати. А с другой стороны, уже скоро тридцать отбарабанит, но воз и ныне там. Начинал чувствовать себя неуютно. Не сказать, что ущемлено, но будто не в своей тарелке. Пора бы определиться. У некоторых его приятелей в эти годы уже дети, а он продолжает летать вольной птицей. Но именно в этом и была вся заковыка. Волю терять никак не хотелось. И даже если бы попалась золотая середина, неизвестно, что было бы через год, второй. И в золотой середине всегда при желании можно отыскать изъян. Пусть небольшой, самый мизерный, но захотелось бы ему терпеть этот изъян – неизвестно. А стало быть, не стоит думать даже о золотой середине. Но и любить одного себя тоже надоедает. Себя знаешь уже, как обглоданную кость знает голодный пес. Ничего из нее уже не выгрызешь, однако и другой на примете тоже нет. Вот и мусолит пес ее, мусолит, пока зубы не сломает. С ним примерно та же картина. Надоел себе до чертиков, как чемодан без ручки, а все пытается усмотреть в этом чемодане что-то привлекательное и полезное. В принципе, самое полезное у него одно: его работа. Но вот сейчас и на нее уже идти не хочется. Апатия ко всему. Земля сошла с ума. Стихия взбесилась. Вода смывает целые города и страны. И что для этих потоков отдельный человек? Пылинка, которую и заметить невозможно.

И как пылинке со всем этим бороться? Покориться не

хочется, но и остановить стихию нет сил. А в природе все устроено так, что выживает сильнейший. Ученые всегда разными способами доказывали, что человек – это не просто часть природы, а ее вершина, что человек изучает природу, чтобы управлять ею. Но планета четко показывает сейчас, что стихия неподвластна никаким вершинам, она стирает их с лица Земли, потому что природа первозданна, она сама и есть вершина над всем, что создано ею. Но любое живое существо старается выжить в любых условиях, посему Кирилл, оживляя свои мысли, прежде всего думал о том, что, несмотря ни на что, надо продолжать жить. С трудом стащил с себя одеяло, начал подниматься с дивана. Это стоило немалых трудов. Было трудно двигаться, но он упорно заставлял себя делать это. Увидел в зеркале себя в одних трусах, подумал, что стоило бы одеться, но тратить на это силы не стал. Обратил внимание на то, что сгорбился, но не хватало сил, чтобы выпрямиться. Со всех сторон испытывал давление, которое не просто давило, оно словно плющило его тело. Тихо побрел из комнаты. Приходилось силиться, чтобы отрывать подошвы ног от пола, – они словно всякий раз приклеивались к нему.

Вышел в прихожую. Пусто. Заскользил к ближней от него двери. За нею была спальня Ибры. Толкнул дверь. Девушка неподвижно лежала на животе. Он подал голос, называя ее имя, и удивился, что тот прозвучал хрипловато. Ибра не пошевелилась. Он позвал еще раз. Тот же результат. Сердце у

него екнуло и заколотило сильнее, чем прежде, вот-вот вырвется из грудной клетки. Неужели ее уже нет? Ноги сами потащились к кровати девушки. И сразу полегчало, когда он коснулся ее и она вздрогнула.

– Надо вставать, Ибра, – пробормотал он. – Давление валит с ног, но надо вставать.

– Я проснулась, – услышался ее шепот.

Стоять было трудно, и он опустился на край ее кровати. Она пошевелила ногами и, не отрывая лица от подушки, попросила:

– Дай уколы. Они на тумбочке.

Кирилл медленно повернул голову в сторону прикроватной тумбочки. И лишь сейчас увидел на ней стопку из нескольких коробок с ампулами и одноразовые шприцы. Парень потянулся к ним. Ибра стала переворачиваться на спину. Попыталась сесть, но с первого раза не получилось. Она снова попросила, чтобы он подсобил ей. Кирилл встал с кровати, помог девушке сесть, подал коробку с ампулами и шприц. Она взяла ампулу и беспомощно глянула на парня:

– Вскрой, у меня не хватит сил. Набери в шприц.

Медленно и долго он проделывал то, о чем она попросила. После этого отдал ей наполненный шприц и перевязал руку, как она сказала. Ибра через силу несколько раз сжала пальцы в кулак, нашла вену и сделала себе укол. Затем легла, закрыла глаза. Полежав некоторое время, прошептала:

– Потерпи, сейчас сделаю тебе.

Он опять присел на ее кровать. Почувствовал облегчение оттого, что ей удалось преодолеть ужасное давление и сделать себе укол. Значит, появилась надежда, что встанет на ноги и поднимет остальных. Ночь была позади. Что же произошло этой ночью, почему всех так подкосило? Куда развернуло Землю? Может, и правда закрутилась в другую сторону? Впрочем, в эту версию он не верил – глупость, да и только. Но все-таки что-то произошло, раз стало еще труднее двигаться и дышать.

Тем временем Ибра чуть оживленнее оторвалась от постели, села рядом с ним, опустила ноги на пол. Попросила его выполнить те же операции с новой ампулой и шприцем, и сделала укол ему. После на какое-то время они оба затихли. Она приникла к его плечу. Он взял ее за руку. Ощутил, как самочувствие стало улучшаться. Исчезло давление на глаза, и язык во рту заворочался иначе.

– Наверно, придется мне теперь быть рядом с тобой, – сказал он после молчания, – чтобы оперативно помогать друг другу, – сделал недлинную паузу и добавил: – Но неплохо было бы, чтоб еще кто-то научился делать уколы.

– Да, пожалуй, – согласилась она. – Вот и попробуй.

Глаза у него округлились от неожиданного предложения. В нормальной обстановке он бы расхохотался, но сейчас позыва на смех не было. Только удивление тому, что она именно ему предложила это.

– Ты уже начал, – добавила Ибра, – со шприцем и ампу-

лой справился, осталась малость. Я расскажу и покажу, как и куда надо делать.

Он не мог понять, насмехалась она либо говорила серьезно, однако решил, что сейчас не время для насмешек, – стало быть, предлагала всерьез, не видя в этом ничего необычного. Раздумывать бессмысленно, да и времени для раздумий не было, следовало идти помогать другим. Они наверняка все в ужасном состоянии. Главное, чтобы были живы. Кирилл надулся и выдохнул:

– Попробую.

Ибра кивнула. Она уверена была, что он согласится. Общение в прошлом с разными мужчинами, знакомство с их повадками научило определять их психотипы и нередко предугадывать поведение в разных обстоятельствах. Зачастую чутье подсказывало, как в данный момент поступит тот или иной тип. Особенно много почерпнула от мужа. Хоть и жили вместе они всего три года, но эти годы для нее были не «всего», а «целых три года». Он был человеком сложным, трудным и непредсказуемым. Мог с удовольствием хохотать во весь голос, но тут же оборвать смех и как с цепи сорваться. Не единожды заносил над нею руку, но, натыкаясь на ее твердый взгляд, отступал. Знал, что у нее тоже непростой характер. Если разозлить ее, то изменится в лице и того гляди вцепится ему в горло. Когда она однажды попыталась покопаться в своей родословной, то была ошеломлена тем, сколько в ней намешано кровей. Если пробежать глазами по атла-

су с севера на юг, так, наверно, редко встретишь представителей тех народов, которых не было. Посему внутри ее крови сидела гремучая смесь из красных и белых телец разных народов. И эта смесь как способна была взорвать ее мозг и все тело, так могла и усмирить, сделать ниже травы и тише воды. Все зависело от окружения. Это не говорило о том, что она была психически неуравновешенна. Отнюдь нет. Она всегда держала себя в рамках. Только однажды из нее вырвалась вся ярость наружу. Когда муж не сдержался и ударил ее. И произошло такое, что лучше бы ему было не родиться.

Она взорвалась. Возможно, южный темперамент взял верх над всем остальным. Ибра вцепилась в мужа с таким исступлением – рвала волосы, кусала, царапала, – что он не мог защитить себя. Каждый новый его удар стоил ему нового клочка волос, или нового синяка под глазом, или новых глубоких царапин на лице. И когда все-таки он вырвался из ее цепких рук, был похож на нечто невообразимое. После этого на следующий день наголо постригся, надел на лицо медицинскую маску и темные очки. А еще через несколько дней сам подал заявление на развод. Отдал дом и все, что она захотела, лишь бы развод состоялся. Она не переживала по этому поводу. Но для себя сделала вывод, что ярость, которая живет в ней, опасна для нее самой.

Она способна сделать ее неуправляемой, если мозг даст волю злости. Правда, злость должна стать такой, чтобы овладела всем ее сознанием. Но такая злость способна появиться

в экстремальных случаях, при пограничном состоянии. Поэтому лучше для нее и всех остальных к такому состоянию ей не подходить. Однако она совсем не застрахована от действий других, как это было с мужем. Видимо, мать знала и чувствовала свою дочь лучше нее самой, потому что с малых лет все время твердила ей, чтобы Ибра всегда держала себя в руках, не вступала ни с кем в конфликты. Она и не вступала, но, как выяснилось, защищаться умела яростно, причем так неистово, что нападавший после этого боялся находиться рядом. Возможно, именно поэтому после развода не складывались отношения с другими мужчинами. Хотя внешне Бог не обделил. Стройная, длинноногая, чернявая, с изюминкой. В лице есть черты от южной красавицы: черные тонкие брови вразлет, большие, чуть вытянутые глаза. А от северной спокойной красоты – овал лица, светлая бархатная кожа, слегка пухленькие губы и очаровательная улыбка. Если разобрать все по косточкам, то непонятно, как это уживалось вместе. Но тем не менее уживалось.

И все-таки с мужчинами не везло. Они, вероятно, чувствовали в ней заряд такой мощной энергии сопротивления, что по истечении какого-то времени после знакомства прерывали связь. Кто-то просто сбегал, не объясняя ничего. Кто-то мямлил нечто невразумительное. Кто-то говорил более определенно, что она ему не подходит. Но подавал это другими словами: говорил, что он не подходит ей. Все эти телодвижения мужчин Ибра воспринимала спокойно. Цеп-

латься за них, убеждать в ином не в ее характере. Она всегда была выше этого. Можно подумать, что она холодна к мужчинам. Но все не так. В ней много огня, но и много достоинства. Профессию медсестры выбрала когда-то по простой причине: хотелось чувствовать свою приобщенность к лечению людей. Испытывала удивительное чувство, когда видела счастливые глаза человека, у которого взор еще недавно был увядшим и потухшим. Приятно было слышать слова благодарности и ощущать свою причастность к его выздоровлению. Кирилла Ибра воспринимала как ершистого, но разумного и покладистого человека. Предложив ему обучиться делать уколы, решила объектом для его обучения сделать саму себя. А пока надо было посмотреть, что происходит с остальными гостями.

Взяв с собой лекарства, они прошли в другую спальню, где на широкой кровати лежали Костя, Лида и между ними ребенок. Почувствовав ее прикосновения, они зашевелились. Не дожидаясь указаний Ибры, Кирилл распаковал шприцы, набрал из ампул лекарств, она сделала уколы. Указала лишь, какое лекарство и в какой дозе приготовить для мальчика. Потом переместились в спальню к домработнице. Постепенно все пришли в себя и поднялись на ноги. Мальчик даже развеселился, хотя старшим было не до веселья. Его отец был хмур.

В любых сложных обстоятельствах Косте хотелось оставаться главой семейства, способным и умеющим защитить

семью от любых невзгод. Но в происходящих событиях он ничего не мог поделать, оказался бессильным не просто защитить, но обыкновенно помочь жене и сыну. Разве что морально. Однако это было так мало и для него как для мужчины так унижительно, что хотелось волком выть. Он понимал, что выглядел слабым и растерянным, что при его невушительной худощавой комплекции и невысоком росте такое ощущение удваивалось. Между тем ничего не мог поделать с этим. Бог дал такую наружность. Хотя в нормальной обстановке лицо с грубоватыми чертами, заметным подбородком смотрелось довольно мужественно и рост отходил на второй план. Именно эта мужественность в лице когда-то привлекла Лиду. И он всегда старался соответствовать выражению своего лица. Даже представить не мог, что когда-нибудь окажется в положении растерянного человека, которому потребуются, чтобы в отдельные моменты жена вселяла в него уверенность. Может быть, это называлось взаимной поддержкой и было нормально, но он хотел, чтобы в нем семья видела опору, однако чувствовал, как сам теряет необходимый стержень. Все это угнетало Костю. Он сильно переживал, что они не могут вернуться домой и вынуждены задержаться там, где даже не предполагали быть. Неизвестно на какое время, неизвестно, чем все закончится. Информации никакой. Конечно, он соображал, что информация могла быть негативной, которая убивала бы их каждый час и каждый миг, но могла быть и позитивной, и поднимала бы им дух.

С другой стороны, страшна сама по себе не информация, страшна непредсказуемость происходящего. Костя хорошо знал свой характер, который зачастую бросал его из крайности в крайность: если влюбиться, то мгновенно, если возненавидеть, тоже мгновенно. Но так его характер проявлялся в нормальной обстановке, когда можно было предвидеть многое, что происходило с ним, когда он умел раскладывать все по полочкам и при необходимости перекладывать с полочки на полочку. Так выбрал себе в жены Лиду, потому что увидел в ней полную предсказуемость, что всецело устраивало его. Неопределенности всегда опасался. Она вызывала в нем отторжение. Поэтому сейчас растерялся и, в общем-то, плыл по течению. Чего нельзя было сказать про его жену.

Лиде, как любой женщине, приятно сознавать, что у нее есть хороший тыл, что за мужем она как за каменной стеной. И тогда можно быть предсказуемой, планировать свою жизнь и жизнь семьи надолго. Тогда все идет, будто само собой по заранее намеченной траектории. Для кого-нибудь такая жизнь неинтересна и скучна, а для нее вполне приемлема. Еще учась в школе, она наверняка знала, какой урок на какую оценку выучила, и даже планировала для себя, как на каком уроке ответит.

Могла бы быть круглой отличницей, но не была. Не любила бессмысленную зубрежку только для оценки, получив которую тут же забываешь, что именно зубрила. Любила во все вникать осмысленно. Только так можно что-то планиро-

вать наперед.

Хорошо знала, что не только ее миловидная улыбочивая внешность, которую все родственники называли кукольной, привлекла к ней Костю, но в большей степени ее основательность. В любом деле она искала свою логику и старалась делать его наверняка. Чтобы уже ничего не переделывать и чтобы никто не сказал, что плохо исполнено. Любое дело должно приносить удовлетворение, и любое дело должно иметь смысл. Так принципиально она всегда смотрела на жизнь. Однако теперешние обстоятельства, в которых они очутились, выбивали ее из равновесия, но и в них она стала искать лазейки для того, чтобы существовать в своей парадигме. Да, ничего не спланируешь надолго, но на день, на половину дня, на час, в конце концов на полчаса можно что-то наметить. И она переключила свои мозги на такой режим работы. Растерянность мужа воспринимала как естественное состояние нормального человека в подобных обстоятельствах. Она знала, каким он был до надвигающихся катаклизмов, и верила, что растерянность его ненадолго, что скоро он соберется с мыслями, справится с собой, что ее обязанность сейчас – поддержать его, вселять в него прежнюю уверенность. Между тем главное беспокойство одолевало ее за сына. Он еще беззащитный, маленький, многого не понимает, и она должна, обязана защитить его от надвигающихся ужасов. Как это сделать и возможно ли это в подобных условиях, в полной мере еще не представляла себе. Уверена была только, что го-

това грудью защищать его. Надо же так случиться, чтобы катаклизмы застали их в отпуске! Ругала себя за то, что взяла ребенка с собой. Знать бы заранее – сидели бы все на месте. Только и там сейчас неизвестно, что творится. Говорят, в своем доме и стены помогают. Как знать... Это какие же надо иметь стены, чтобы противостоять таким катаклизмам? Никакие стены не выдержат.

Тем временем Ибра с Кириллом помогли подняться на ноги домработнице Ин. Та, обхватив руками голову, стояла возле постели и испуганно бормотала:

– Что происходит, что со мной происходит, Иблочка?

– Ничего необычного, Ин, – успокаивала девушка. – Все, что со всеми.

– Что с нами будет? – спрашивала она.

– Этого никто не знает, Ин, – отвечала Ибра.

– Я чувствую, я чувствую, что надвигается что-то ужасное, Иблочка, – бормотала Ин, не отнимая рук от головы и прохаживаясь по ковру вдоль постели. – Я слышу какие-то крики, много криков, слышу треск чего-то непонятного, ощущаю запах смерти.

– Ты сильно переволновалась, Ин, – вставил слово Кирилл, обнадеживая. – Может быть, все обойдется.

– Нет. Не обойдется. – Отняв ладони от головы, она покрутила головой.

– Тем не менее не стоит так падать духом, – добавил Кирилл, не находя других слов для поддержки. – Будем решать

проблемы по мере их поступления.

Домработница глянула на него безучастно, точно таким взглядом сказала, что он не знает, о чем говорит. Парень поморщился. Разумеется, он не знал, что ждало их впереди, но именно в таких обстоятельствах нельзя оставаться без надежды. Ибо, потеряв надежду, они перестанут бороться за жизнь, а следовательно, смирятся со смертью. Кирилл не принимал этого, все внутри него протестовало. Отчужденное лицо Ин наклонилось, она тяжело вздохнула и медленно побрела к лестнице, чтобы спуститься на первый этаж, в кухню. Предчувствия настораживали ее. Они часто помогали ей, подсказывая, что должно произойти. Ибра знала о способности Ин предвидеть многие события, которые касались ее самой и близких, поэтому серьезно отнеслась к словам домработницы. Но ничего не сказала Кириллу, чтобы не вызвать смятения и пессимистических настроений. Этого теперь только не хватало! Смотрела в спину Ин, которая подошла к лестнице и стала медленно спускаться вниз. Ин было лет около пятидесяти, но она держала себя в форме. И все, кто не знал о ее возрасте, давали ей не более сорока лет. Она всегда была подвижной, с живостью в глазах и любые свои предчувствия, а может быть, видения старалась доносить до людей аккуратно, чтобы не пугать их. Но сейчас предвидения душили ее так же сильно, как атмосферное давление. И было сложно понять, что заставляло сутулиться больше. Впрочем, и то и другое лишили живости и

будто состарили. С языка срывалось все, что было на душе. Она улавливала мысли Ибры и соглашалась с нею, что так откровенно не должна говорить, чтобы не внести панику, но с другой стороны, знала, что не должна молчать, так как людей надо предостеречь, чтобы они подготовились к надвигающейся катастрофе. Разные чувства боролись в ней. И она плотно сжимала губы, спускаясь с лестницы. За годы своей жизни она дважды выходила замуж и дважды мужа уходили от нее. И все из-за ее способности чувствовать и видеть тех, кто рядом, знать, что они думали и делали, и предугадывать, что собираются делать. Такая способность появилась у нее с детства. Ей всегда было трудно подружиться с кем-либо. Никто не выносил долго того, чтобы его просвечивали насквозь, прочитывали, как открытую книгу. Подобное случилось и с мужьями. После второго замужества решила больше не испытывать судьбу. На какое-то время утонула в одиночестве. Но вскоре взяла себя в руки и захотела еще раз попытаться счастья и найти хоть одну родственную душу в этом городе. Чувствовала, что есть где-то. Но где, понять не могла. Мысли всегда путались и терялись в толпах людей. Но однажды на улице столкнулась с Иброй. Не случайно, нет. Ее вело провидение именно к этому месту. Здесь буквально уткнулись друг в друга. Ибра вышла из торгового центра и спускалась по лестнице, а Ин поднималась. И в толпе людей не разминулись. Мгновенно Ин поняла, что нашла, кого искала. Слово за слово, разговорились. Ну а дальше Ибра взяла

ее телефон, а дня через три позвонила и предложила к себе домработницей. Они быстро сблизились. Обе разведенные, обе разочарованные, обе одинокие. И как теперь Ибра без Ин была как без рук, так и Ин испытывала недостаток кислорода без Ибры. Вместе они дополняли друг друга. И все-таки, несмотря на это, они оставались одинокими: отсутствовал мужской дух, отсутствовали страсти, отсутствовала полноценная жизненная суэта. И той и другой не хватало этой малости. Поэтому, когда Ибра вчера вернулась домой с гостями, Ин порадовалась, увидев их, хотя до того удар стихии чуть не унес ее из этой жизни. Но пока ты не побываешь по ту сторону жизни, ты не понимаешь, как она хрупка и как ценна для тебя. Ты начинаешь чувствовать себя иначе, ты меньше цепляешься за свое благополучие и сильнее ощущаешь, что ты часть мироздания. Не пылинка, не соринка, не дуновение ветра, а часть, без которой мироздание не существует. Так рассуждала Ин, а потому с тревогой ждала катастрофу, ибо та меняла природу вещей. Медленно спустившись с лестницы, Ин прошла в ванную комнату, чтобы освежиться под душем, а потом приготовить стол для гостей. Но хорошо помыться не удалось. И холодная, и горячая вода текла из крана тонкой струйкой. Кое-как умывшись, раздосадованно причесалась перед зеркалом, ступила в прихожую и громко так, чтобы слышно было на втором этаже, сообщила, что начались проблемы с водой. Но там уже знали об этом – точно так же пользовались слабыми струйками в санузлах и ван-

ных. Еду приготовила быстро, по ее меркам компания была небольшая – и разносолов не делала. Впрочем, можно было сделать еще проще, потому что аппетита ни у кого не было. Хозяйка и гости слегка поклевали и вылезли из-за стола. Заметно было, что каждый напряженно ждал, что будет дальше. Кирилл некоторое время тяжело потоптался по прихожей и объявил, что поедет к себе домой, возьмет там оставшиеся деньги, а если удастся, то заглянет на работу. Да и вообще в городе попытается узнать хоть какие-нибудь новости. Ибра попробовала отговорить его, но он и слышать ее не хотел. Тогда она сделала ему дополнительно какой-то укол, и он вышел во двор. Когда отъехал от дома и оказался на проспекте, обратил внимание, что город словно вымер. Машины на дороге – редкость, пешеходов не видно вовсе. Подъехал к заправке. Заправщиков нет. Зашел внутрь помещения. Кассир лежит грудью на столе. Кирилл подал голос. От нее никакого ответного движения. Он повысил голос, ощущая усталость от своего крика. Но кассир не пошевелилась. Понял, что все напрасно, и вернулся к колонкам. Вставил пистолет в горловину, зафиксировал крючок – топливо пошло. Набрал полный бак. Возвращаться в помещение не стал. Уверен был, что кассиру уже ничем нельзя помочь. К тому же вспомнил, что в кармане нет ни одного рубля. Сел в машину и медленно покатил к дороге. Пустота вокруг не удивляла, но позвоночник покрывался холодком, когда представлял, как многие в домах уже не двигались. Город тихо вымирал. И никто

не мог противостоять этому. Лишь в больницах, где много врачей, в людях еще должна теплиться жизнь, да в других местах, где рядом медики, способные помочь себе и другим. А в квартирах люди, как загнанные в клетки, бессильны долго сопротивляться ударам стихии. Слабые уходят быстро, те, кто посильнее, как-то еще барахтаются.

Небо с самого утра было мрачным, как бывает перед дождем. Ветер приносил незнакомые запахи. Становилось все тяжелее дышать. Кирилл заспешил домой. Дорога была свободной, но показалась очень долгой. Он чувствовал, как его укачивало, горело лицо и перед глазами начинало плыть. Наконец подъехал к дому. Двор пуст. Забит автомобилями. Явно никто сегодня не выезжал. На короткое время сознание отключилось, он закрыл глаза и весь размяк. Когда пришел в себя, не сразу вспомнил, зачем приехал. А вспомнив, задался вопросом: для чего ему сейчас нужны деньги? Понятно, что многие не вышли на работу, – стало быть, ни магазины, ни другие учреждения не открывались и не работают. А если все-таки кто-то добрался до работы, то вряд ли он способен что-то делать. Уж если у него сейчас после двух уколов состояние, как у цыпленка табака, как будто он распластан и раздавлен, то можно представить, как чувствуют себя те, кто не принимал лекарств. Из его мыслей следовало, что приехал он сюда напрасно. Но коль приехал, придется сделать, что хотел. Он тяжело вылез из авто, чувствуя, что его шатает. Трудно было держать равновесие. Но Кирилл, хвата-

ьясь руками за все, что попадалось на пути, вошел в подъезд. В лифте поднялся на этаж. До квартиры не дошел. Привалился к стене и сполз на пол. Сколько так просидел, не знал. Но, наверно, долго, пока в голову не вернулись мысли и не заставили еле-еле стать на ноги. В квартире свалился на диван и отключился.

Проснулся Кирилл под утро со странным легким чувством во всем теле. Не было ломоты в теле, и не болела голова. За окнами услышал шум дождя. Капли били по стеклу. Встал с дивана, не ощущая тяжести. Легко прошел по комнате к балкону. На улице дождь лил плотной стеной. В голове пронеслось, что такого ливня давно не приходилось наблюдать. Легкость, с которой поднялся, придала сил. Решил, что стихия отступила. Невольно обрадовался, надеясь, что Земля, возможно, притормозила с заменой мест полюсов. Впрочем, надежда была слабой. Природа непредсказуема. Как бы после этого не сотворилось еще что-нибудь. И пока ничего нового не стряслось и стало легче дышать и двигаться, Кирилл достал деньги из ящика стола, сунул в карман и вышел из квартиры. Лучше вернуться в дом Ибры и там дожидаться, чем все закончится. Ждать, когда прекратится ливень, не стал. Тот мог продлиться неопределенное время. За дверью подъезда на дороге обнаружил потоки воды. Они скрывали половину колес машин. Казалось, еще чуть – и автомобили начнут плавать. С головы до ног Кирилла обдало дождем. Мгновенно насквозь промок. Сквозь плотную стену ливня

рассвет почти не пробивался. Кирилл не успел добежать до авто, как вдруг оторопел от неожиданности. Ему навстречу по тротуару двигалась странная темная фигура: непонятно откуда и как появилась. Но двигалась не быстро, не обращая внимания на дождь, как будто того вовсе не было.

– Ты кто? – закричал ему Кирилл, приближаясь.

Фигура остановилась, и Кирилл в струях дождя с трудом рассмотрел парня. Вид его был обреченно-отрешенным. Мокрые длинные волосы закрывали пол-лица, голова опущена, руки обвисли. Он продолжал идти прямо на Кирилла, словно не замечал препятствия. Кирилл остановил его:

– Ты откуда?

Парень уткнулся в него и, не поднимая мокрого лица, ту-по монотонно пробормотал:

– Она мертва.

Кирилл не стал уточнять, о ком тот говорил, – ему показалось это лишним, ибо без того понятно главное: он говорил о близкой себе женщине. Это могла быть его мать, или сестра, или жена, или девушка. Для Кирилла значения большого не имело. Смерть выбирает самых слабых и уносит в свои подземелья. Разумеется, жаль, что еще один человек умер, но если представить, что сейчас творится на всей планете, то в общей массе погибших смерть одного человека становится почти незаметной. Может, думать так – это кощунство, но другие мысли в этот момент в голову Кириллу не приходили.

– Ты не вернешь ее, – сказал громко, чтобы сквозь шум

дождя парень услышал его. – Постарайся выжить, чтобы сохранить о ней память! Понимаешь? Память теперь – это самое главное! Не будет тебя – не останется памяти! Выживешь – твоя память перейдет к твоему поколению! Постарайся дотянуть до этого дня! – Видя, как парень безучастно слушает его, а возможно, даже не слышит, Кирилл сильно тряхнул его за узкие плечи. – Что скажешь на это?

– Ее больше нет, – тем же тоном снова пробормотал тот.

Сознавая, что до парня не дошли его слова, Кирилл отступил:

– Можешь идти. Я тебя не держу.

– Когда она умерла, дождя не было, – зачем-то пояснил парень. – Я ничем не мог помочь.

– Мне жаль, – откликнулся Кирилл, часто смахивая ручки дождя с лица. – Я тоже не могу тебе помочь.

Подняв голову, парень сквозь нависшие на лицо мокрые волосы и бесконечные струи дождя осмысленно глянул на Кирилла:

– Скажи, что мне делать?

– Взять себя в руки, – посоветовал Кирилл. Собственно, что он еще мог посоветовать в сложившихся обстоятельствах? Только чтобы собеседник не раскисал. – Мы все сейчас не в лучшем положении. Я видел уже несколько смертей. Иди сейчас домой и никуда не выходи, пока на Земле все не придет в норму.

– Я же тебе сказал! – вдруг выкрикнул парень и схватил

Кирилл за грудки. – Она умерла! Она мертвая лежит на кровати. Я не могу вернуться туда. Я ушел оттуда, чтобы не видеть ее.

– У тебя есть родственники? – спросил Кирилл, отрывая его руки от своей мокрой рубахи.

– Были, – выдохнул тот с задержкой, точно сомневался в том, что сказал. – Их тоже уже нет, – добавил с унынием и зажмурился. Затем ладонью вытер худое, заостренное книзу потерянное лицо и выплеснул: – А потом, я не могу оставить ее одну! Одна она беззащитна!

– Ты же сказал, что не можешь вернуться к ней, – напомнил Кирилл, переставая понимать парня.

Дождь лил не переставая. И даже как будто усилился, точно небо обрушило все свои воды на них двоих. Рубахи и брюки не просто вымокли напрочь – они прилипли к телам так, что очертили каждую складку тел, и казалось, на собеседниках не было никакой одежды, а вода омывала голые тела.

– Не могу, – с горечью согласился парень. – Но оставить тоже не могу. Она всегда была беззащитной. Без меня она не могла. Я всегда защищал ее. А кто теперь защитит ее? Кто?

– Не знаю, – проговорил Кирилл, раздражаясь на самого себя, что привязался к этому парню, желая поддержать его. А теперь вынужден вести бессмысленный диалог, вместо того чтобы сесть в машину и отправиться к Ибре. Уже был бы далеко отсюда. Конечно, Кирилл мог бы сейчас просто прервать разговор, махнуть на парня рукой и сесть в ав-

то. Но помнил, как недавно он, Ибра и остальные находились в близком к подобному состоянию. И если бы не поддержали друг друга, неизвестно, что было бы с ними сейчас. А встретившийся не ко времени парень определенно нуждался в помощи. И Кирилл неожиданно заверил: – Я думаю, что там у нее будут защитники.

– Там? – не врубился парень. – Где там?

– На небесах, – сказал Кирилл.

– Это плохое утешение! – не принял парень.

– Другого нет.

– Ты не мог бы пойти со мной? – внезапно схватил он Кирилла за руку.

– Извини, у меня дела, – немедленно отказался Кирилл, не желая дальше продолжать контакт.

– Дела? – не поверил парень. – Какие в такую погоду дела? Не втирай мозги. Скажи, что просто не хочешь.

– Тебе что, от этого легче станет?

– Не знаю. Но если ты не пойдешь со мной, я зарежу тебя! – Его рука скользнула к заднему карману брюк, и через мгновение Кирилл увидел в ней нож. – Не сомневайся, я зарежу, – повторил парень. – А дождь смоем все следы.

– Ты ненормальный? – спросил Кирилл, попятившись. И вдруг его мозг словно опустился в кипяток, в голову ударило жаром, извилины мозга захлестнула догадка, что перед ним действительно сумасшедший. Мысли заметались разгоряченно. А ведь по внешнему виду не скажешь этого. Хо-

тя разве разглядишь хорошо лицо человека во время такого ливня? А поведение? И поведение до этого момента было как будто нормальным. Где грань, которая может точно указать на ненормальность человека? Часто она бывает неуловима. И только специалист способен разгадать, кто перед ним. Но почему мысль об отклонении в мозгах этого парня ударила в голову? Очень просто. Все очень просто. Нормальный человек так спокойно и обыденно не проявит готовность беспричинно убить первого встречного. Вот та грань, которую обыкновенный человек не переступит. А у этого весь его промокший облик указывал на то, что он сделает то, что обещает. Значит, удары стихии не только убивают слабых людей, но еще доводят некоторых до сумасшествия. А может быть, делают с людьми что-то иное, о чем трудно предположить. Черт побери, нормальные люди умирают, а сумасшедшие остаются жить! И что, если таких останется большинство на планете, каким станет человечество? Ошарашенный собственными умозаключениями, Кирилл дико посмотрел на парня. Подумал: «А вдруг и я сейчас такой же сумасшедший, как этот встречный? Стоп. Стоп. Остановись. Кажется, у меня уже начинает выносить мозг. Впору прополоскать его как следует, чтобы смыть всякую накипь». Но следующая мысль еще больше привела Кирилла в оторопь. А если та, про которую талдычит парень, умерла не собственной смертью? С чего бы вдруг у парня в кармане оказался нож, которым тот угрожает ему? У Кирилла перехлестнуло дыхание.

В голове закрутился вопрос, который никак не прорывался наружу сквозь перехваченное горло. Потребовалось усилие для того, чтобы вытолкнуть его из себя. – Ты убил ее? – спросил наконец Кирилл. – Зачем ты сделал это? – Он уже не сомневался, что все было именно так, потому его вопрос больше походил на утверждение.

– Это не убийство! – закричал парень, неистово мотая головой и размахивая ножом. – Я ей помог!

– Зачем?

– Она беззащитная! Она ничего сама не смогла бы! – кричал визави.

– Она могла бы жить, – сказал Кирилл, настороженно следя за его беспорядочно двигавшимся ножом. Уже было не до дождя, мысли о нем исчезли. Кирилл перестал замечать, как струи дождя били по голове и текли по лицу. – Ты не оставил ей выбора. Сам за нее все решил. Это неправильно. Нельзя ничего решать за другого.

– Она не другой! – вскричал парень. – Она моя!

– Почему же ты оставил ее одну?

– Ты думаешь, я должен вернуться? – вдруг затих парень.

– Она беззащитна без тебя, – повторил его довод Кирилл.

– Она беззащитна, – тоскливо согласился он, опуская нож и понуриив голову. Но тут же вскинулся: – Откуда тебе известно это?

– Ты сказал.

– Я? – Он с минуту бездумно смотрел в глаза Кириллу, и

тот чувствовал, что, если сейчас отведет их, от парня можно будет ждать любой непредсказуемости. И Кирилл не отводил глаз, и даже не моргал. Наконец парень обмяк, вытер лицо, сунул нож в карман. – Я пойду к ней. Ей надо сменить одежду. Я должен помочь ей, потому что сама она не сможет. На ней должна быть чистая одежда. Она очень любит чистоту. А сейчас много красных пятен и дыр. Я не могу видеть ее в такой одежде.

– Да, ей нужна твоя помощь, – поддакнул Кирилл, ощущая, как всего его покорило от собственных слов. Но очевидно, в данный момент это были именно те слова, которые и нужно было сказать парню. – Иди.

– Ты не думай, я справлюсь, – глухо пообещал тот, точно Кирилл собирался помочь ему, а он отказывался от его помощи.

– Я верю, – негромко отозвался Кирилл мягким голосом, который еще больше успокоил бы парня.

– Прости, что я задержал тебя, – вдруг произнес тот совершенно нормальным тоном. – Я не хотел. Это все дождь.

– Да, – подтвердил Кирилл. – Ужасный ливень. – И ни слова больше, чтобы не возбуждать у собеседника новых мыслей.

– Я пойду, она ждет, – повторил парень, привычным движением руки снова вытирая лицо, но все еще не двигаясь с места.

Кирилл оставался в напряжении. С одной стороны, кажет-

ся, ему удалось увести мысли парня в другом направлении от себя, но с другой, тот все еще цеплялся за него, не мог оторваться, не решался пуститься в обратный путь. Когда б перед ним стоял нормальный человек, Кирилл сам давно хлопнул бы его по плечу, бросил стандартное «пока» и был таков. Но тут другой случай – здесь надо быть крайне аккуратным, чтоб не произнести ни одного слова, которое может не понравиться собеседнику. Кирилл терпеливо ждал развязки. А парень вытирал и вытирал лицо руками, и будто прирос к тротуару. Молчал. Тогда Кирилл осмелился напомнить:

– Она ждет.

И только тут парень ожил, затоптался и развернулся, выдохнув напоследок:

– Прощай.

Кирилл глубоко вздохнул, глядя, как спина визави быстро теряется за стеной дождя.

Ехать было крайне трудно. Все дороги превратились в реки. Не разгонишь авто. Фонари освещения не горели, светофоры не работали. Свет фар авто слабо вгрызлся в стену дождя. Часто приходилось двигаться интуитивно. Одно радовало Кирилла: что его состояние не ухудшалось и он худо-бедно медленно приближался к дому Ибры. Однако холмистая местность чуть не прервала поездку. Между двумя возвышенностями, у их подножий, вода не успевала уходить в стороны, скопилось ее много, и Кирилл опасался, что не удастся проскочить этот участок дороги. Но рискнул разогнать авто. Вода приняла удар машины, волнами расходясь влево и вправо. Мотор чихнул пару раз, но, к счастью, не заглох. Авто буквально проплыло без руля и ветрил, и колеса снова коснулись асфальта. С натугой машина пошла вверх. И тут Кирилл в блеклом свете фар в густых струях дождя на обочине напротив небольшого частного дома случайно заметил пару промокших людей. Просто почему-то повернул голову в их сторону, не повернул бы – не увидел. Те отчаянно махали руками. В голове мелькнуло, что еще какие-то сумасшедшие. Но тогда и он ничем не отличается от них, потому что выехал в такую погоду. Машинально нога нажала на тормоз. Парень с девушкой мгновенно оказались возле авто и стали дергать за ручки дверей. Кирилл щелкнул замком. Па-

рень распахнул заднюю дверь и, не спрашивая разрешения, пропустив вперед себя девушку, заноса струи дождя в салон, плюхнулся на сиденье. Вода ручьями стекала с них. Впрочем, Кирилл сам сидел в мокрых брюках на мокром сиденье, благо, что, залезая в машину, стянул с себя рубаху, бросил рядом с собой. Парень, закрывая дверь, сразу затараторил:

– Как повезло, как повезло! Мы уже думали, что не доберемся до места. Такой ливень! Как будто небо прохудилось. По телевизору говорили, что грядет конец света. Похоже, что это именно так. Планета решила избавиться от людей. Не знаешь, где найти спасение. Никто не может сказать, что будет дальше. Телевизор тоже умолк. Все умолкло. Люди теперь, как слепые и глухие котята. Каждый ищет спасение как может. Спасибо тебе, что остановился. Спасибо. Ведь ни одной живой души на улицах, ни одной машины. Это какое-то чудо, что появился ты! Автомобиль буквально вынырнул из дождя. Мы внезапно увидели его. А потом не поверили своим глазам, что ты остановился. Благодарим тебя. Стена дождя, неба не видно. Откуда свалилось столько воды?

– Вы сами-то откуда свалились? – спросил Кирилл, трогая автомобиль с места. – Под дождем бродите. Сейчас дома сидеть надо.

– Согласен, – разом потускнев, грустно ответил парень. Он был коротко пострижен, с широковатым носом, скуластым лицом и чуть выпуклыми глазами. – Но кто мог предвидеть то, что такое будет твориться с Землей? Нам теперь ка-

жется, что мы чудом остались живы. Вокруг столько смертей. Мы никогда не думали, что увидим подобное. Это страшно. Человек беспомощен перед стихией. И теперь я увидел, что человек беспомощен вообще. В оправдание своей беспомощности он сам придумал формулу, что человек – царь природы. Но вот что я скажу: никакие мы не цари, мы даже не созидатели, мы обыкновенные микробы, бактерии на теле Земли, которые только и делали, что прибавляли ей болячек. И вот она теперь показала, кто настоящий царь.

– Ты думаешь, что все закончилось? – оглянувшись через плечо, спросил Кирилл, нахмурившись.

Разговорчивость пассажира вдруг резко угасла, он растерянно пожал плечами, сбоку посмотрел на спутницу – явно ждал от нее каких-то слов, – но она молчала, и он глубоко вздохнул:

– Затрудняюсь ответить.

– А я, пожалуй, не затрудняюсь, – проговорил Кирилл после небольшой паузы и вернулся к предыдущему монологу пассажира: – Если следовать твоей теории, то болячек на Земле накопилась целая уйма и планете нужно немало времени, чтобы вернуть здоровье. А стало быть, людям придется еще многое вытерпеть. Вот такие дела, приятель. В твоих рассуждениях кроется ответ. Мне он не нравится. В нем нет конкретности, а это еще больше настораживает и пугает. Лучше смени пластинку и скажи, что у вас стряслось, что заставило в такой ливень выйти на улицу. Это будет предмет-

ный разговор.

Скулы на лице пассажира задвигались, он помрачнел, но вместо ответа задал встречный вопрос:

– А у тебя ничего не стряслось? Выехать в такую погоду, когда на дорогах разливаются целые реки, – это надо не просто захотеть. Что-то должно было погнать тебя в дорогу, несмотря на жуткий ливень.

– Отчасти ты прав, – неохотно подтвердил Кирилл, прижимаясь к рулю и пытаясь сквозь стену дождя лучше рассмотреть дорогу впереди. – Но не обо мне речь. Не я, а ты пассажир в моей машине.

Тот ответил не сразу. Опять посмотрел сбоку на девушку, но без вопроса в глазах, просто сверял свое настроение с ее. И лишь после этого оторвал мокрую спину от спинки сиденья, выпрямился и произнес:

– Случилось. Все случилось. Теперь только на Бога надежда!

И тут в диалог вклинилась девушка. Длинные мокрые волосы облепили ее голову и щеки. Ее пристальный взгляд сверлил затылок Кирилла. Правда, он этого не чувствовал. Но в зеркало заднего вида выхватывал ее напряженно-сосредоточенное лицо. Определенно, ей было очень страшно, и она прятала свой страх за напускной сосредоточенностью. Лицо было так же, как у ее спутника, чуть скуластым, и глаза слегка навывкате, но нос небольшой и губы другие. Девушка обратилась к Кириллу:

– Ты был прав: конца еще не видно. Но нам уже пришлось такое пережить, что даже вспоминать страшно. Не понимаю, как остались живыми. У меня до сих пор дрожь идет по телу. Вот, направляемся в церковь. Надеемся там спастись от всего, что еще случится.

– Так вам нужен храм? – спросил Кирилл и, услышав в ответ молчание как знак согласия, успокоил: – Скоро должен быть поворот на улицу, где стоит главный городской храм. – Сделал паузу. – Не проскочить бы мимо по такой погоде. – И внимательней взгляделся через лобовое стекло, по которому лихорадочно бегали дворники, разгоняя воду.

– Раньше в хорошую погоду мы видели его издалека. Он возвышается над всеми постройками вокруг, стоит на самом высоком месте в городе. А сейчас из-за дождя в трех шагах ничего не видно, – сказала девушка. – Мы боялись заблудиться.

– Вы бывали в этом храме раньше? – поинтересовался Кирилл, пригнувшись к рулю и не оборачиваясь назад.

Девушка виновато сжалась и не ответила, спрятавшись за спинку сиденья. Вместо нее голос подал ее спутник. Было в нем не то чтобы сожаление, но явное недовольство собой:

– Не приходилось, – пробурчал он, насупился и добавил: – По правде, вообще никогда в церкви не были. Ни разу ни в какую не ходили. Как-то не испытывали такую необходимость. Всегда считали, что в церковь ходят только старики и старушки. А молодым что делать там? – Резко, злясь на

себя, провел по мокрым волосам ладонью, отбрасывая их со лба вместе с каплями воды, втянул голову в плечи и точно провалился глубже в сиденье.

– А теперь о Боге вспомнили? – усмехнулся Кирилл. Впрочем, на усмешку это мало походило, потому что не сомневался, что в кошмарные недавно пережитые моменты вряд ли кому-то из людей не приходилось вспоминать о Нем. Пожалуй, таких теперь на планете не найти.

Видя, как парень теряется в объяснениях, произносит совсем не то, что следовало бы сказать сейчас, да и сама не очень соображая, что надо говорить в обстоятельствах, какие их загнали в тупик, девушка попыталась исправить ошибку спутника:

– Мы о Нем не забывали, – вставила она нерешительно. – Кроме Бога, на кого теперь можно надеяться?

– На себя, – полуобернувшись, сказал Кирилл.

– Это не смешно, – пролепетала девушка, надула губы и опять притихла за спиной у Кирилла.

– А я не смеюсь, – серьезно выговорил он, вновь всматриваясь через лобовое стекло. – Разве я похож на клоуна?

На минуту в салоне авто установилось молчание, слышалось лишь тяжелое дыхание всех троих и висело ощущение тяжких мыслей в каждой голове. Наконец спутник девушки вытянул шею и выдохнул:

– Дело не в тебе. И вообще не в отдельном человеке. Тут, кажется, планета со всеми людьми не очень считается. Вид-

но, натерпелась от человечества. А к Богу должна прислушаться. Все-таки это Бог.

Кирилл с сомнением покачал головой:

– Если это не сам Бог решил подвергнуть людей испытаниям. В Библии не зря упоминается о втором пришествии Христа.

Парень на заднем сиденье зашевелился, меняя положение тела. Определенно замечание Кирилла добавило ему дискомфорта:

– Не читал, – буркнул он.

– В таком случае зачем Богу спасать тебя, если ты ничего о нем не знаешь, кроме того, что где-то он должен быть? – сыронизировал Кирилл.

И вновь под парнем зашуршало сиденье. До него дошла ирония Кирилла, и она неприятно уколола. Хотелось бы, чтобы все было ровно наоборот, чтобы Бог заметил его мучения и помог избавиться от них. Но, к сожалению, вопрос Кирилла был резонным, никуда не денешься, ничего не попишешь, с ним нельзя не согласиться:

– Может, и незачем, – удрученно пробормотал парень, ловя испуганный взгляд девушки. И тут же воскликнул, впиваясь взором в висок Кирилла: – Но как поступил бы ты, если б на твоих глазах за сутки умерли все члены семьи: мать, отец, брат и бабушка? Остались только мы двое. Не знаю, почему выжили. Ведь лежали пластами, с жизнью прощались. Думаю, без Бога не обошлось. Мы уверены, что это он за-

щитил нас с сестрой. Потому и решили отправиться в церковь. – Сделал небольшую паузу. – Я понимаю твой сарказм, но ничего обидного в этом не вижу. Таких, как мы с сестрой, очень много.

– Так вы брат с сестрой? – чуть протянул Кирилл. – То-то я смотрю, есть что-то общее в лицах.

– Да, – подтвердил парень. – Я Филипп, она Алёна. Мы погодки. Я старший, она младшая, но иногда мне кажется, что она старшая, а я младший. Собственно говоря, это не имеет никакого значения.

– Считайте, познакомились, – откликнулся Кирилл и назвал свое имя. – И далеко отсюда ваш дом?

Филипп подавленно, громко, на весь салон задышал так, что было слышно, как хрипом затрепетали его голосовые связки:

– Сейчас это скорее семейный склеп, – произнес с постным лицом, и правая бровь нервно задергалась. – Даже упоминать о нем как о доме не по себе.

– Теперь таких семейных склепов на Земле, думаю, в избытке, – задумчиво поморщился Кирилл.

– Досталась же эта доля, – буркнул Филипп и не стал уточнять, где находится их с сестрой дом.

Автомобиль медленно, с тяжкими срывами в звуке мотора взбирался вверх по дороге на возвышенность. Кирилл напряженно не отрывался от стекол, стараясь не пропустить поворот на улицу, где стоял храм. Струи дождя заливали ло-

бовое стекло. Дворники не справлялись с таким обилием воды. Филипп и Алёна ничего больше не произносили, удивляясь про себя, как еще машина везет их по такому ливню. Кирилл вздохнул. Что можно было сказать о тех, кого больше нет на Земле? Наверно, много хорошего, или не очень. Если остались те, кто их помнит, – может, что-то и скажут. А если никого не осталось... Никто ничего не скажет. Просто были какие-то люди, и больше нет. Никто не вспомнит о них, потому что никто не знает их имен. Страшно, если Земля станет огромной братской могилой. Все, кто когда-то жил – любил, ненавидел, веселился, горевал, смеялся и плакал, строил планы, на что-то надеялся, – все исчезнут навсегда. А планета станет рождать новых людей, которые начнут повторять путь, уже не раз пройденный до них другими. Только пойдут они по новым земным рельефам, континентам, островам, рекам и морям, давая им новые названия. И не исключено, что когда-нибудь, когда народонаселение вырастет до огромных размеров, люди окажутся в таком же положении, с такими же результатами. И все опять повторится сначала. Кирилл мотнул головой, отгоняя прочь мрачные мысли. Да, многих уже нет, но он-то жив, и Филипп с Алёной живы, и те, кто в доме Ибры, живы. А это уже вселяет надежду. Сбоку от дороги в плотной стене дождя мелькнул какой-то дорожный знак. Интуитивно Кирилл понял, что вот он – перекресток, где надо свернуть к храму. Крутанул руль, поворачивая налево. Громко объявил, прерывая гнетущее молчание:

– Скоро подъедем.

Сзади оживились. Голос Алёны испуганно спросил:

– Как ты думаешь, там кто-нибудь есть?

Кирилл дернул плечами, не понимая, к кому та обратилась, и ничего не сказал. А голос Филиппа глухо буркнул:

– Теперь поздно думать.

– А ты что скажешь? – раздался новый вопрос Алёны.

На этот раз Кирилл сообразил, что вопрос обращен к нему. Не оборачиваясь, озадаченно помял пальцами шею:

– Не знаю. – А у самого мелькнула мысль, что вот ведь ерунда какая. Храм может оказаться закрытым. Эти двое едут наугад. Что делать станут, если никого там нет?

– И мы не знаем, – потерянно прошептала она и взяла за руку брата, крепко сдавила ее пальцами, ощущая, как те начинают неметь.

– Как же так отправились наобум Лазаря? – удивился Кирилл. Впрочем, это мало походило на удивление, скорее на сочувствие, что от безысходности людям было не до раздумий, они во всем полагались на Бога.

– А ты куда бы отправился, когда вокруг одни трупы? – отчаянно воскликнул Филипп, приближая лицо к спинке переднего сиденья.

– Ну и дела, – выдохнул Кирилл, качая головой. Впереди справа увидел церковные маковки. Припарковал автомобиль у забора. Сообщил: – Приехали. Идите. Постучите. Может, откроют двери.

– Ты нас подождешь? – привстав с места, приблизившись, неожиданно из-за спинки дыхнула Кириллу почти в самое ухо Алёна.

– Зачем? – спросил тот, поворачивая голову к ее лицу и чувствуя взволнованное дыхание девушки.

– А вдруг там никого нет? – Очевидно, сейчас она больше всего боялась именно этого. Голос ее слегка дрожал, лицо горело. – Что нам тогда делать?

Что им делать тогда? «Почему я должен думать, что им делать?» – пронеслось по извилинам мозга Кирилла. Странно устроен человек, часто соображает задним умом: сначала сделает что-то, а потом думает. Сам себе создает проблемы, чтобы затем их преодолевать. Так и эта пара. И зачем он остановился на дороге и подобрал их? Машинально, все машинально. Сам такой же, как они. Сделал, а теперь затылок чесать приходится. Но ведь не бросать же их на произвол судьбы. Беспомощных и неуверенных в себе. Кирилл поморщился. Если храм закрыт, придется их взять с собой и везти к Ибре. Опять поморщился. Ведь он не знал, как отреагирует она, когда он приедет вместе с ними. Все-таки дом ее, и надо бы сначала заручиться ее согласием. Но, видимо, никуда теперь не денешься – придется взять их с собой, если храм пуст, и принять удар Ибры на себя. Кивнул в ответ:

– Ладно, подожду.

Брат и сестра быстро вышли из авто. Сверху на них обрушилась стена ливня. Они бегом кинулись к калитке в забо-

ре, а затем напрямик по цветникам на территории к дверям церкви. Кирилл из машины наблюдал сквозь лобовое стекло, разгоняя дворниками воду. Видимость была плохой, но все же он заметил, как Филипп и Алёна подергали на себя дверь, та раскрылась и впустила их внутрь. Кирилл облегченно вздохнул и включил скорость. Дорога после церкви повела вниз с холма. Около дома Ибры по асфальту неслись стремительные потоки. Кирилл заглушил мотор и вылез из машины. Волна ливня накрыла его с ног до головы. Ноги захлестнуло потоком выше щиколоток. Хлопнув дверью авто, он бегом, точно так же, как недавно бежали Филипп и Алёна, пустился к дому. В дверях его встретила домработница. Вскидывая руки и хватаясь за голову, восклицала:

– Что творится, что творится на улице! Ты весь мокрый. С тебя ручьями течет.

– Главное, живой, – отозвался Кирилл, видя, как у него под ногами на полу мгновенно образуется лужа.

Домработница схватилась за швабру и стала интенсивно подтирать:

– Уж это так, уж это так. Я очень рада, я очень рада.

– А уж я-то как рад! – Кирилл хотел, чтобы его отклик походил на веселый тон, но не получилось – тот прозвучал мрачновато. Пожалуй, оставаться живым сейчас самое главное для всех. Но веселиться этому не приходится, потому что никто не может предсказать будущего. Никто не знает, что будет завтра на планете, не говоря уже о том, что придет

за завтрашним днем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.